ЕВГЕНИЙ ЛАЗАРЧУК

АЛЬФА И ОМЕГА

****

ЗОЯ ЛАЗАРЧУК

СВЕТЛЫЕ МИНУТЫ

*****

Новосибирск 2021

УДК 821.161.1 ББК 84 (2Poc=Pyc) Л17

Л17 Лазарчук Е. А. Альфа и Омега. Лазарчук З. Е. Светлые минуты. – Новосибирск: Редакционно-издательский центр «Новосибирск» при Новосибирском отделении Союза писателей России, 2021. – 236 с. ISBN 978-5-900152-77-1

- © Лазарчук Е. А., тексты, 2021
- © Лазарчук З. Е., тексты, 2021
- © Рудько Г. К., фото для обложки, 2021

ПОЯСНЕНИЕ

Этот сборник не совсем обычен тем, что в нём под одной обложкой обрели пристанище стихотворные опыты сразу двух авторов, людей в общем-то не случайных и даже связанных родственными узами, в миру — отца и дочери. Аналога в издательской практике не припомню, однако странным сие не считаю, так как, на мой взгляд, такой альянс вполне оправдан по причине не только кровного, но и духовного родства, а также почти абсолютной схожести в длительном и верноподданном почитании Её Величества Поэзии и в том, что у литераторов-профессионалов именуется творческой биографией.

Если уж и считать что-нибудь действительно необычным, так это возрасты «дебютантов», в суммарном выражении составляющие более 120 лет и даже в отдельности заслуживающие быть занесенными в какую-нибудь книгу рекордов или, может быть, антирекордов. Почему так про-

изошло, исповедоваться излишне. Стечение ряда обстоятельств, слишком личных, чтобы предавать их огласке. Но тогда правомерен другой вопрос: почему то, что могло бы и далее оставаться достоянием домашнего архива, чтобы потом без всплеска кануть в Лету, всё же решено опубликовать? Поясняю: отнюдь не для того, чтобы хоть как-то, пусть и с великим запозданием, отметиться в литературных анналах. Ответ на поставленный выше вопрос в названии одного из стихотворений —

IN MEMORIAM *

В ПАМЯТЬ обо всём безвозвратно ушедшем, но всё еще живущем в твоей благодарной душе.

В ПАМЯТЬ о тех, кто осчастливил твоё земное бытие своим существованием и осиротил своим исчезновением, оставив лишь светлую горечь воспоминаний.

В ПАМЯТЬ о юности, о той самой благодатной поре человеческой жизни, когда многое происходит, познаётся и переживается впервые. Когда в круговороте дружб и любовей, встреч и расставаний, радостей и горестей, иллюзий и разочарований, успехов и провалов, приобретений и потерь, ты становишься тем, кем тебе суждено быть уже до конца твоих дней. Это ещё и время

^{*} $\overline{\text{In memoriam (лат.)}} - \mathbf{B}$ память.

пробуждения и пробы, нередко удачной, творческих способностей. Время, когда слагаются стихи. Твёрдо убеждён в том, что истинная поэзия – это все-таки удел молодых с их непосредственностью и свежестью взгляда на окружающее, с их нерастраченностью духовного и физического потенциалов. А по мере взросления и полного погружения в будничные дела и заботы тяга к стихосложению вполне естественно может или сойти на нет, или обрести черты унылого ремесленничества, не отмеченного вдохновением мастеровитого версификаторства, профессиональной привычки-повинности. Пишущий эти строки самозабвенно бряцал на лире со школьного отрочества лет этак до девятнадцати, а во все последующие годы снимал её с гвоздя крайне редко, эпизодически, от случая к случаю, да и то в основном для юбилейных посвящений. Однако окончательно избавиться от этой «высокой болезни» не смог и по сей день, ибо она неизлечима. Нет-нет да и тянет порой поворошить выцветшие и пожелтевшие от времени рукописные черновики, попытаться реанимировать находящиеся в глубокой коме свои старые-старые замыслы

Иными словами, большая часть текстов моего раздела этой книги родом из прошлого века, из

прекрасных времен Оттепели и Застоя, в том числе и то, что было тогда лишь заготовками будущих стихов, отдельными фразами или четверостишиями, а окончательное словесное оформление получило позднее. Сюда же включены и посвящения моим друзьям — одноклассникам, землякам и сослуживцам. Всем им, а также тем, кто снизойдет к прочтению сего, желаю надежного здоровья и максимального долголетия при наличии всего остального необходимого для достойной жизни.

Искренне ваш Е. А. Л.

IN MEMORIAM...

...Всё никак к темноте не привыкнут глаза, Но всё ближе веранда старинного дома. И сидящих на ней я уже узнаю голоса, Их печальные лица мне тоже знакомы. Извините, друзья, что явился незван, Словно тать или призрак, Возник из тумана. Дорогие мои, Низко кланяюсь вам. Александр, Анатолий, Владимир, Валерий, Иван, Николай, Михаил, и ещё Анатолий, и Жанна*... Я к тому, что вас нет на земле, всё ещё не привык И доныне всех числю в разряде живых, Но не рядом с собою, а где-то далече. Ощущая отсутствие ваше всё резче И грустя над страницами вами подаренных книг, Так наивно и тщетно мечтал я о встрече...

^{*} Александр Плитченко, Анатолий Соколов, Владимир Ярцев, Валерий Малышев, Иван Овчинников, Николай Шипилов, Михаил Степаненко, Анатолий Маковский, Жанна Зырянова.

...Это сон или явь?

Боже мой, неужели сбылось,

Неужели свершилось великое чудо.

И навеки мы вместе теперь, а не врозь,

И уже никогда никуда не уйти мне отсюда.

Мне не очень он нравится,

Мир ваш иной.

Так давайте наполним его теплотою земной, И моё предложение очень простое:

Прочь – унынье,

Тряхнём стариной,

Вспомним наши застолья эпохи застоя.

Отрешимся от бремени прошлых грехов.

И пускай каждый вечер

Будет светел и весел,

От мерцания звёзд,

От избытка стихов,

От сиянья свечей,

От шипиловских песен...

Вот уже петухи проорали зарю.

И чем дальше, тем больше

Я впадаю в отчаянье...

Говорю,

Говорю,

Говорю,

Говорю,

А в ответ мне – молчанье...

ЕВГЕНИЙ ЛАЗАРЧУК

******

АЛЬФА И ОМЕГА

НЕСОИЗМЕРИМОСТЬ ТАЛАНТА

Давно это было: лет пятьдесят с гаком тому назад. Отслужив в армии на будущем северном космодроме «Плесецк», я покинул свою родную деревню Старо-Ярково и устроился на работу в новосибирском Куйбышеве сначала в горком комсомола, затем в редакцию районной газеты «Трудовая жизнь». Нередко надименем районки ехидно посмеивались: зековское название... При газете я организовал поэтический клуб «Тропинка» — с потаенной надеждой, что к большой дороге люди выходят по заветной тропинке. Занятия в этом клубе проводились два раза в месяц.

Как-то ко мне в редакцию приходит худенький паренёк и подает тетрадку со словами:

- Посмотрите, пожалуйста, стоит ли мне начинать?
   В тетрадке было всего два или три якобы стихотворения. Я пробежал их глазами и говорю:
- А чего спрашиваешь? Ты уже начал... Стоит ли продолжать это другое дело. Назовись.
  - Женя Лазарчук.
  - Учишься? Работаешь?
  - Учусь в девятом классе. В первой школе...

Средняя школа № 1 славилась в Куйбышеве, да и в области, как «образцово-показательная». Директором

её была заслуженный учитель школы РСФСР, опытный администратор и педагог Александра Лукинична Кузнецова. Выпускники этой школы всегда удачно и успешно определяли свою дальнейшую судьбу.
Я прочитал рифмованные «столбцы». В одном из

них нашлись две по-настоящему поэтические строчки.

– Давай, Женечка, попробуем продолжить: не меняя темы и эти две строки, будем повышать качество. Остальные стихи можешь сохранить для своего архива – на память. Вырастешь, возмужаешь физически и духовно, заглянешь в свой архив, вспомнишь свою молодость и улыбнешься, и похорошеет у тебя на душе. Когда он принёс одиннадцатый вариант этого сти-

хотворения, я сказал ему:

– Всё. Молодец! Тебе уже учитель не нужен. Дальше пойдешь один...

И он – пошел.

На каком-то областном конкурсе — он тогда уже учился в пединституте и посещал литературное объединение, которым в то время блистательно руководил поэт Илья Олегович Фоняков — Евгений Лазарчук занял первое место и получил бесплатную путевку в Польшу. А меня позже, так же с лёгкой руки И. О. Фонякова, приняли на Высшие литературные курсы Союза писателей СССР в Москве.

Очень сожалею, что не сохранилось ни в памяти, ни в архиве то первое стихотворение – оно сейчас бы пригодилось для примера. Но я помню другие его стихи, написанные им в те молодые годы. Одно из них называется «Весна Вийона». Франсуа Вийон – французский поэт, живший и творивший на закате Средневековья, но бывший уже предвозвестником эпохи Возрождения. В наше время литературного забвения, на мой взгляд, необходимо знать не только Александра Сергеевича Пушкина, но и Франсуа Вийона, а заодно и открыть для себя на удивление яркого и самобытного поэта Евгения Лазарчука. Стихотворение начинается:

Когда меня тащили вешать...

Заметим – не вели и не везли, как Емельяна Пугачева на казнь в клетке. Сразу – характер эпохи и нравственная характеристика общества. Это восприятие усиливают следующие строки:

Ветра из теплой синевы Несли ликующую свежесть Едва пробившейся травы.

Вот эта «ликующая свежесть» — эмоциональное восприятие образа: Божественное пробуждение (ликующее) природы и насильственный уход из жизни.

Стихотворение довольно объемное, поэтому я остановлю внимание, как нередко говорят критики, на «золотинках поэзии»:

Палач с разорванной штаниной Осенним яблоком хрустел.

Вот он: «живее всех живых» образ палача. Недаром говорят: художник рисует кистью, писатель — словом. Палач весной осенним яблоком хрустел. Симпатичная антитеза! Позднее автор заменил «осеннее» яблоко на «кровавое». Получилась страшилка. Перебор! Ровное напряжение всего стихотворения на этой строке вроде как споткнулось...

Но как удивительно мастерски поэт вписал в печальное, даже траурное содержание стихотворения,

такой же тональности всплеск горького юмора, который органично вписался в общее строение образа – вошел, как к себе домой:

Но чтобы показать сквалыгам, Что я подох, Истошный крик Сдержав, Я пяткою подрыгал, А после выкатил язык

Эта строфа, как светлячок в «пробившейся траве», одухотворяет весь строй стихотворения.

А завершен этот образ совсем по-русски:

Дух плодородья надоумил Меня не помышлять о зле, Я хлеборобом, братцы, умер И похоронен был в земле.

«Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой», — эта фраза, прозвучавшая недавно в одной телепередаче и произнесённая в своё время одним из нацистских главарей, увы, продолжает оставаться страшной истиной. Подтверждений этому немало в истории многих стран, не исключение и Советская Россия, где начиная с 1918 года официальной пропагандой красные превозносились исключительно как «пламенные революционеры», рыцари без страха и упрёка, самоотверженные борцы за всенародное счастье, а белые в большинстве своём представали носителями всех человеческих пороков. Юным поколением всё это принималось за чистую монету, многие

искренне верили этим идеологическим мифам. И не только смолоду, но и до глубокой старости.

Такая «правда» в стихотворении «Девятнадцатый» (это его первое название, конкретно указывающее на время действия и, по-моему, неудачно замененное автором на аморфный «Алый бант») высвечена в поэтических образах – верно, убедительно и очень ярко.

Как входила в Красново банда, Разбегался народ – кто куда.

Заметим, что банда входила не в Сосновку, не в Крутинку, не в Ельцовку, а в Красново, где, по моему разумению, собрались «красные» силы и там «комячейка палит с колокольни». Вместо колокольного звона – пулемётная и винтовочная стрельба, сеющая с поднебесной высоты не мирный благовест, а смерть и увечья, что само по себе – великий грех. Но совнаркомовские богоборцы своим декретом поставили церковь вне закона: многие храмы были разграблены и взорваны, некоторые были определены под складские помещения и даже - под скотные дворы. Вот коммунары и превратили в удачно выбранную огневую точку колокольню уже закрытого, а может быть, ещё и действующего храма: теперь здесь они - хозяева, а «религия, как ими твёрдо усвоено, - опиум для народа». Впрочем, белогвардейцы в долгу тоже не оставались и отвечали на действия противника, как сейчас принято говорить, «зеркально» – террором на террор.

Всего две строки:

И несут одуревшие кони Окровавленных седоков.

В них мастерски выписан широким мазком, предельно насыщенным и ярким социально-нравственный образ Гражданской войны, жуткий в своей безумной жестокости облик кровавой междоусобицы.

И читатель догадается, кто кого:

Обвисают бандитские туши, Как мучные мешки на плетнях.

Таков характер братоубийственной бойни, не признающей даже кровного родства: когда непримиримыми врагами становятся отцы и сыновья, когда брат берёт на мушку брата, и каждый во имя своей правоты. Нет для любой нации бедствия страшнее, чем гражданская война.

Вспомнилось, как свое видение Великой Отечественной войны поэт-фронтовик Василий Ефимович Субботин выразил всего одной, но поистине гениальной строкой:

Окоп копаю, может быть, могилу...

Лучше не скажешь!

Вот что однажды рассказал во время моей учебы на Высших литературных курсах профессор Михаил Павлович Еремин. В прошлом веке в более чем ста странах мира изучался русский язык. Преподаватели кто чаще, кто реже приезжали в Советский Союз на учебу или практику. На одном из таких занятий наши языковеды предложили его участникам отредактировать стихотворение А. С. Пушкина «Я вас любил, любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем...», да так, чтобы оно засияло еще ярче и стало ещё глубже. 80 человек согласились на этот эксперимент. Три дня бились они, как говорится, в поте лица

своего и единодушно пришли к выводу: улучшить это стихотворение невозможно. Александр Сергеевич так плотно загрузил словесную ткань этого стиха поэтически и духовно, что ни «грамма» добавить не удалось. С той поры я стал работать над стихами, конечно же, в меру своих возможностей, но по принципу: если можно подзагрузить слово в поэтической строке светом и смыслом, и духовной свежестью, это надо обязательно сделать, приложив максимум усилий. Работать стало труднее, зато более радовал результат.

Есть у Евгения Александровича стихотворение «Лесничиха». В нём нет ни звездной романтики, ни героической патетики. В нём есть обыкновенный человеческий быт военного времени и большое творческое мастерство поэта. На мой взгляд, это стихотворение достойно стоять в первой шеренге стихов-соратников о Великой Отечественной войне. Читатель найдёт его в этой книге. Я же знал это стихотворение ещё чуть ли не в черновике и несколько огорчился, прочитав в коллективном сборнике «Гнездо поэтов». Те правки, которые внёс, как выяснилось, сам автор, явно не пошли ему на пользу. Например, вот книжный вариант:

Сено вышло. И утрами стекла Словно от бомбежки дребезжат. И мычит некормленая тёлка, И охота со двора бежать.

И реву. (Но сена не посмела Воровать в колхозе), И реву,

Дергая руками из-под снега Обоюдоострую траву.

А вот как было в черновике. Прошло полвека с той поры, а стихи помнятся, потому что каждое слово добровольно несло ту долю поэтического образа, которую определил ему автор.

Сено вышло. И корова сдохла. И утрами стекла дребезжат, И ревет некормленая тёлка, И охота из избы бежать.

Вот и всё... А сено не посмела Воровать в колхозе И реву, Дергая руками из-под снега Обоюдоострую траву.

«Стекла дребезжат» не потому, что «сено вышло» – по какой-то другой причине. А вот корова сдохла, потому что «сено вышло». И стекла дребезжат не во дворе, а в избе, где живет эта несчастная женщина. Поэтому строка «со двора бежать» получилась пустышной, неорганичной в связи с единой обособленностью образа. Я около пяти лет проработал в колхозе скотником и пастухом, поэтому знаю, когда коровы и тёлки «мычат», а когда «ревут». То, что «ревёт некормленая тёлка», вынуждает героиню стихотворения подумать или сказать: «И охота из избы бежать».

«Вот и всё...» – женщина в своём одиночестве неспешно подвела какой-то жизненный итог. «А сено не посмела...» Здесь «а» выступает вместо категорического «но», не отрицая действительного положения вещей, сохраняя спокойный ход размышлений, в очерченном отрезке времени. Несмотря на все эти частности, в целом поэту удалось создать органически цельный образ-картину военного времени в тылу.

Не знаю, как в небесном, но в нашем земном обитании все соизмеримо до самой мельчайшей точности: вес можно измерить тоннами и до миллиграмма, расстояние — от миллиметра до бесконечности, возраст — от рождения до смерти — сиюминутно! Чем измерить величину таланта? Нет такой меры! Талант несоизмерим! Разве только что вечностью... Талант — как незакатное солнце: светит и греет наши души в любое время дня и ночи.

Евгений Лазарчук как поэт состоялся давно и надежно. Надеюсь, что его стихи найдут своих благодарных читателей, а книга не останется единственной.

> Владимир Балачан, член Союза писателей СССР и России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. 15 марта 2021 года.

«ТРАГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ БЫТИЯ...»

«Почему, появившись на свет, Не смеется, а плачет младенец?...» Из незавершённого

...Один из моих дядьёв настойчиво пытался объяснить мне, что такое жизнь. Происходило это всякий раз на очередной гулянке, которые в те незабываемые годы (а поводов хватало) случались частенько и собирали не только всю нашу обширную родню всех возрастов и генеалогических ответвлений, но и хороших знакомых и добрых соседей, а поэтому были многолюдными и шумными, с обилием питья и закуски, с песнями и плясками. Во время перекура, будучи уже в изрядном подпитии, где-то на грани перехода из очень средней степени опьянения в сильную, он покровительственно возлагал мне на плечи свою рабоче-крестьянскую ручищу, тяжелую, как коромысло с вёдрами, полными воды, и с очень серьёзным и таинственным видом, словно собираясь поделиться каким-то важным секретом, увлекал за собой,

уводя в сторону от остальных мужиков, гурьбой дымивших в ограде и весело балагуривших.

полуминутного молчания, боязливо оглянувшись, как бы опасаясь подслушивания, и сменив обычное громогласье на доверительный полушёпот, назидательно водя перед моим носом указательным перстом, коричневым от самосада и махорки (другого курева он не признавал), наконец-то изрекал своё сокровенное: «Женька, ты не знаешь, что такое жись. Жись ето...». Тут голос его, задрожав, обрывался, лицо шло вперекос, а из мгновенно покрасневших глаз катились крупные и обильные слёзы. И он, фронтовик, машинист, тридцать с лишним лет водивший на паровозах, тепловозах, электровозах составы по транссибирской магистрали, глава большого семейства, разражался недолгим, но безудержным плачем, который сопровождался каким-то уж совсем детским всхлипываньем и тоненьким не то подвываньем, не то повизгиваньем. После этого, явно устыдясь своей слабости, сокрушенно махал рукой, давая понять, что разговор закончен, и к застолью мы возвращались уже порознь.

А там мой «наставник» снова становился таким, каким его все знали всегда. Жизнелюбом, весельчаком, словоохотливым и острым на язык собеседником, матершинником-виртуозом. Истинным раблезианцем. Не пропускал ни одной

рюмки, неутомимо поглощал всё съедобное, в хоровом пении мощью своего баса старался перекрыть все другие голоса. Шутливо пытался приобнять, а то и ущипнуть цепкими клещами своих корявых, как древесные корневища, пролетарских пальцев за бока и другие доступные места сидящих рядом женщин. И даже, уже будучи весьма тяжёл на подъём, выходил на круг. В своем танце исключительной простотой хореографии он напоминал шамана, камлающего без бубна и колотушки, или дрессированного медведя. Топтался на месте, не отрывая подошв от пола, слегка сгибая ноги в коленях и в такт этим полуприседаниям взмахивая руками. И при этом обязательно исполнял одни и те же частушки из своего небогатого репертуара. Чаще всего:

...Вы потише, господа, Пол не проломитя, У нас в подполе вода, Вы не утонитя...

...Как-то раз водолаз Утопаюшшую спас. А когда на ей жанился, Сам пошёл и утопился...

...В первый раз я, зеленый юнец, недавний школьник, был ошарашен таким оригинальным объяснением сути человеческого бытия, а потом, после нескольких повторов, привык к этому и

даже воспринимал по младости и глупости с иронической снисходительностью. О своих предыдущих «откровениях» он, как правило, не помнил и всякий раз считал, что наставляет меня впервые. А потом его не стало, и он так и не сумел словесно и более пространно поведать мне, что же такое «жись», хотя по-своему дал понять, причем предельно лаконично и доходчиво. И впоследствии, как бы подтверждая его правоту, в жизни, как в калейдоскопе, одна другую стали сменять трагедии, маленькие и великие, личные и общие, локальные и глобальные, зачастую усугубляемые сознанием необратимости происходящего и собственного бессилия что-либо исправить или предотвратить, и вот тогда в памяти моей всегда всплывало его искаженное рыданиями лицо. И хотя меня тоже иногда душили слезы, я всё-таки старался сдерживаться и пережить очередное лихо стиснув зубы и не дав слабины. Лишь однажды разревелся, как пацан-малолетка, и напился так, как ни разу не напивался ни до того, ни после. В тот черный осенний день 1993 года, когда в центре столицы русские танки били «по своим, по родимым»...

Спи спокойно, мой незабвенный учитель жизни. Теперь, на исходе лет, я и сам знаю, что это такое, и от каких-либо разглагольствований на эту тему, следуя твоему примеру, тоже воздержусь. Кто-то сравнил жизнь с вечной рекой, мощным

потоком, не имеющим ни временных границ, ни истока, ни устья. Для общечеловеческого бытия такое сравнение, пожалуй, уместно, но для жизни отдельного человека оно вряд ли годится, зато к ней можно с полным правом отнести сказанное в Откровении Святого Иоанна Богослова и взятое мной вне контекста.

Аз есмь Альфа и Омега, начало и конец...

Это самый краткий и верный ответ на вопрос, что такое «жись». Альфа и Омега — два рубежа, а пространство между ними с уже заведомо известным исходом каждый заполняет по-своему при непосредственном участии Эпохи и Судьбы, и общего определения нет и быть не может. И какие тут ещё нужны разъяснения и комментарии...

* * *

Вновь кружит февральская позёмка, Заметая школьное крыльцо. Свищет ветер залихватски громко И колючим снегом бьет в липо Хмурит небо грозно тучи-брови, Непогода заступает путь, Но ничто друзей не остановит, Что решили в детство заглянуть. И пускай в весёлых коридорах Голоса их больше не звенят, Этот мир по-прежнему им дорог, И любой мальчишка им – собрат. ...Встреча коротка. Пора прощаться. Грустью отуманены глаза... Но не раз мы будем возвращаться, Чтоб опять друг с другом повидаться И слова заветные сказать. Скажем вновь

Растроганно, негромко, Что за всё, за всё благодарим... Будет виться в феврале позёмка, Как холодный и прозрачный дым.

Моя первая публикация в Куйбышевской районной газете «Трудовая жизнь» в 1964 году. Стихотворение, которое более десятка раз мне возвращал на доработку в то время сотрудник редакции и по совместительству литконсультант, а впоследствии мой близкий друг, ныне известный поэт Владимир Фёдорович Балачан. Посвящено выпускникам моей родной школы N 2 и традиционному вечеру их встречи.

БЕРЁЗКА

... С каждым днем всё тревожнее вести, Полыхает огнём горизонт. И березка с девчатами вместе Проводила ребят на фронт. Отпылали сражений зарницы, Возвратились живые назад. А березке ночами снится Не вернувшийся с фронта солдат. И она предрассветною ранью В безутешной печали своей К поездам пробегающим тянет Руки тонкие гибких ветвей...

Тоже «знаковое» стихотворение. В 1965 году редакция районки, при которой тогда существовало литературное объединение «Тропинка» (его основателем и руководителем был упоминавшийся выше В. Ф. Балачан), отправила его вместе со стихами нескольких авторов на областной конкурс, посвящённый пятидесятилетию Великой Победы. И оно совершенно неожиданно для всех и для меня получило поощрительную премию. Было напечатано в газете «Молодость Сибири». А меня, девятиклассника, даже пригласили на телевизионное подведение итогов, где я читал своё

творение в прямом эфире, жутко при этом волнуясь. Именно там познакомился с Ильёй Фоняковым (он был председателем жюри) и участниками руководимого им литобъединения при «Молодёжке» Валерием Малышевым, Геннадием Карпуниным, Анатолием Лавским и другими молодыми поэтами, тоже ставшими победителями конкурса. С ними у меня позднее, уже во время учёбы в институте, сложились самые добрые дружеские отношения.

Отправляясь в Новосибирск, я захватил с собой общую тетрадь со своими виршами. Её обложку «украшал» портрет (знай наших!) Сергея Есенина, весьма отдалённым сходством и приплюснутым носом более походившего на боксера-профессонала. После телепередачи Илья Олегович предложил всем послушать мои стихи и высказать о них своё мнение. То, что произошло далее, можно назвать бархатной экзекуцией. Удостоились похвалы лишь отдельные строки и четверостишия, а в целом все мои «нетленки» подверглись доброжелательной, но не оставлявшей в их отношении никаких иллюзий критике. Общий вывод: это только проба пера с проблесками эпизодических удач, а впереди ещё долгий и тернистый путь овладения поэтическим словом, поиска своего творческого почерка, своей тематики. В выступлениях ребят прозвучало немало полезных советов, которые в дальнейшем мне очень пригодились. Считаю это блиц-обсуждение своим боевым крещением.

Потом, в течение нескольких лет регулярно бывая на занятиях фоняковского литобъединения или, как мы его тогда называли, ЛИТО, я убедился, что высокий уровень требовательности к пишущим — его

главный принцип. Это и позволило ему стать школой литературного мастерства для многих поэтов и прозаиков, достигших впоследствии разных степеней маститости, профессионализма и читательского признания. Не помню ни одного полностью комплиментарного обсуждения, на орехи (кому больше, кому меньше) доставалось всем, в том числе и мне, каждый раз с великим трепетом выносившим плоды своих ночных бдений на суровый, но всегда справедливый суд собратьев по перу.

ЛИТО я обязан своим самым ценным приобретением в те годы – пожизненной дружбой с такими надёжными товаришами и талантливейшими людьми, как А. И. Плитченко, А. И. Денисенко, В. И. Яриев, А. Е. Соколов, В. В. Малышев, И. А. Овчинников, Н. А. Шипилов, М. М. Степаненко, А. Е. Маковский, Ж. В. Зырянова. Итогом этого содружества стал коллективный сборник «Гнездо поэтов», вышедший ещё в 1989 году, тепло встреченный любителями поэзии, а ныне даже именуемый легендарным. Инициаторами его издания стали А. И. Плитченко и В. А. Берязев, за что им моя сердечная, не слабеющая с годами благодарность. За высокую честь, оказанную моим юношеским стихотворным упражнениям, появившимся в столь блистательном окружении, за то, что спустя почти два десятилетия мы тогда снова собрались вместе...

Ты чем-то встревожен, мой мальчик? Трепещет сердечко твое. «Где мама?» – ты спросишь домашних. «На речке. Полошет белье...» Ты не заподозришь обмана, Но как неспокойна душа!.. Уже со слезами: «Гле мама?» «По ягоды утром ушла...» Предчувствия жуткого холод, Разгадка проста и страшна. «Гле мама?..» «Уехала в город. Нескоро Вернется Она »

Самая первая, пережитая мною трагедия. Смерть от туберкулёза моей двадцативосьмилетней мамы Зои Васильевны. Мне было тогда около полутора лет. А о ней сохранилось всего два смутных воспоминания.

... Самое раннее, ещё младенческое... Все взрослые, кроме матери, ушли на покос. Она старалась подходить ко мне как можно реже, оберегая от своего не-

дуга, и поэтому я находился под присмотром няньки — соседской девчонки. Ей, дурёхе, хватило ума дать мне поиграть комсомольским значком, который я незамедлительно отправил в рот. Удушья, боли и собственного плача не помню, но помню склонённое надо мной в полумраке, похожее на античную трагическую маску, преображенное страданием и горем прекрасное лицо мамы. А еще запомнился извлечённый пинцетом из моего горла и окрашенный моей кровью инородный предмет...

... И более позднее, уж в канун её ухода... Мама, ярко освещённая солнечными лучами, как бы окруженная каким-то волшебным ореолом, стоит в дверном проеме и, протянув руки, ласково зовёт меня к себе, и я, только что научившийся ходить, неуверенно ковыляю к ней на своих слабых, не совсем еще послушных ножонках...

В последний месяц болезни, когда она, до этого стойко переносившая недомогание и даже не чуравшаяся домашних трудов, окончательно слегла и чувствовала себя с каждым днём всё хуже и хуже, меня отправили к бабушке по отцовской линии Анне Константиновне, там же я и стал сиротой. А когда после похорон вернулся, сразу же хватился матери и долго и настойчиво, даже с рёвом, допытывался, где она. И домочадцы, святые души (бабушка Лукерья Васильевна, прабабка Зинаида Гавриловна и дед Пантелеймон Васильевич), снизошли до благого обмана, по-разному объясняя её отсутствие, пока я к нему не привык...

А ещё года через два-три появились антибиотики, и чахотка перестала быть неизлечимой...

КОСТЁР

Налетели ко сну Комариные орды. Кони тянут к костру Большегубые морды. В глубине их очей Солнце красное дышит. Синий ветер ночей Дым пахучий колышет. От сиреневых струй Нечисть липкая схлынет. Лошадиный ты друг, Костерок из полыни.

В БАНЕ

С. В. Докучаеву

Были бани у реки, Потому что мужики К чистоте всегда стремились, От воды и от тепла Багровели и струились Их могучие тела. Веник, словно муравейник, Обжигал бока и зад. И горланил мой ровесник, Как полсотни поросят. Выбрав место, где посуше, От жары разинув рот, Я сидел и скорбно слушал, Как товарищ мой орет. А закатное оконце, Солнце красное поймав, Впечатляюще и косо Кровенело сквозь туман.

Словно дьявол,
В банной саже,
Грудь в наколках — все кресты
Подмигнул мне дядя Саша:
«Полезай, племянник, ты».
Ох, давал мне веник жизни,
Но, корежась на полку́,
Всё стерпев,
Я по-мужицки
Прохрипел:
«Поддай парку!..»
В тёмной бане у реки
Хохотали мужики.

* * *

Осенний лес.
Он вымок весь —
С верхушек до полянок.
Под сенью крон багряных —
Листы-следы.
Наверно, здесь
Проковылял подранок.
Мечте летать пришел каюк,
И ей не возродиться.
Он по траве ушел на юг
И вряд ли возвратится.
Леса за искренность люблю,
И врать в лесах негоже.
Здесь делать нечего рублю
И горлопанам — тоже.

* * *

А. И. Ленкову

И угодья, и неудобья... Всё пришлось в этой жизни пройти. Кулунда, Бараба и Приобье – Вот этапы большого пути. Детских лет незакатные зори, Дорогие родные места, Где чисты небеса и озёра И где совесть людская чиста. Отчий дом под тесовою крышей, Где излишеств не знали совсем, Где по лавкам полно ребятишек, А точней, как в пословице, - семь. Там, не зная в страду передышки, В золотое раздолье полей, Как на фронт, уходили мальчишки, Поменяв и тетрадки, и книжки, На штурвалы степных кораблей. От восхода, порой, до восхода Жито в бункер струилось, шурша... Вспоминать эти светлые годы Никогда не устанет душа.

Честный труд, без корысти и фальши, Озарял эти ночи и дни. Потому-то сегодня чем дальше, Тем дороже, Тем ближе они. Там — истоки грядущих свершений, Там — начало начал и судеб, Осознанье того, что священней Нет святынь, чем Отчизна и Хлеб. Оттого-то, что в сердце вселилась Эта заповедь и прижилась, Оттого-то и Жизнь получилась, Оттого и Судьба удалась.

СТАРИК И ОСЕНЬ

Ī

Без ужина он не отпустит. Упрямо крутнув головой, С бутылкой и чашкой капусты Вернётся из кладовой. Простерши дрожащую руку, Привычную к частой гульбе, Нальёт мне в щербатую рюмку, В цветастую кружку себе. Я знаю. Он снова едва ли Не вспомнит о прошлой войне. Свои ордена и медали Притащит показывать мне. О том, как прощался с молодкой, Которую шибко любил, О том, как прямою наводкой По «тиграм» фашистским лупил, Расскажет...
И плошки, и ложки
Локтем отодвинув,
Хмельной
И слабый до боли,
Предложит
Помериться силой со мной.
А я, чтоб не вызвать обиду
И чтобы уважить родню,
Посо-

противляюсь для виду И руку На стол Уроню...

П

Я все понимаю, Егорыч...
Предзимняя наша тоска
Понятней,
Чем тонкая горечь
Полынного стебелька.
Я с давней поры подмечаю,
Душой прикипевший к весне,
Что осень и так удручает,
А осень и старость вдвойне.
Опять ты угрюм и несносен,

Бранишь то старуху, то дождь. Наверное, каждую осень Ты гостью костлявую ждешь. Оставим зиме партизанить, Приканчивать крохи тепла. Но гроб, что под яблоки занят, Вовек не дождётся тебя. Егорыч, тревоги напрасны, Зимуй, дожидайся весны. А выпьем с тобою не раз мы, Если не будет войны...

Стихотворение из числа особо памятных. Вместе с «Алым бантом», «Весной Вийона» и другими оно в 1968 году вошло в подборку, представленную мной на областной поэтический конкурс, посвящённый пяти-десятилетию Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодёжи. Победа в нём, грандиозное телеподведение итогов в кафе «Отдых», главный приз (туристическая путёвка в Польшу), первая и, к сожалению, последняя публикация в знаменитых «Сибирских огнях» — всё это стало для меня полушоковой неожиданностью. Моё появление в «толстом» журнале незабвенный Илья Олегович Фоняков (вечная ему память!) предварил вот таким добрым напутствием:

«В не столь давнее время наметилось было явление, вызывавшее определенную тревогу: на всяческих семинарах «молодых» стали преобладать люди возрастом в тридцать лет и более, как бы догонявшие свое поколение, а действительно молодых, тех, кому

двадцать или двадцать два, чрезвычайно редко приходилось слышать. Новая смена явно запаздывала.

Тем больший интерес вызывает сейчас каждое яркое выступление представителя молодого поколения, тем большей была радость всего жюри (в составе которого был и я) конкурса «Новосибирск, поэзия. 68», организованного обкомом ВЛКСМ и студией телевидения в ознаменование 50-летия комсомола, когда стало ясно, что первой премии заслуживают стихи восемнадцатилетнего студента педагогического института Евгения Лазарчука.

Лазарчук молод, очень молод, он еще весь в поисках — своей главной темы, своего поэтического языка. Знаю, что сердитые критики не очень любят это слово — «поиски», ворча — не без оснований,— что поиски, вообще говоря, личное дело каждого, а серьезному искусству нужны результаты, находки, открытия. Но, думается, и то, что уже найдено Евгением Лазарчуком в его поисках, представляет и ценность, и интерес».

Об остальном – умолчу. Скажу только, что по ряду очень субъективных причин успех этот дальнейшего развития не получил. Поездка в ближнее зарубежье состоялась, но в стихах отражения не нашла. А творческие искания становились всё более редкими, пока не завершились на долгое время полным молчанием...

Кстати, в «Старике и осени», опубликованном в том же году в N2 10 журнала «Сибирские огни», предпоследняя строка: «А выпьем с тобою не раз мы...» была целомудренно заменена на: «С тобой потолкуем не раз мы...»

Эта ночь светла на удивленье, Так светла, что видно всё как днём. Почивает матушка-деревня Чутким и недолгим летним сном. Смолкли шум дерев и гомон птичий, Слышен лишь порой зазывный смех, Звонкий и лукавый смех девичий Да собак ленивый перебрех. Над рекой, подёрнутой туманом, У тревожно дремлющей воды, Я брожу с фонариком карманным, Младшим братом утренней звезды. Бесконечно длится ожиданье, Маюсь в одиночестве давно. Где же ты, прелестное созданье?.. Я тебе не назначал свиданья, Просто взял и посветил в окно. За мою застенчивую шалость, Извини великодушно, Ho Я не верю, что не догадалась.

Это ведь совсем немудрено. Это значит – вызов был напрасен. Если так, То так тому и быть. Место наших встреч у старых прясел Постараюсь поскорей забыть. Если же случится повстречаться, Мимо проходя, не отвернусь, Подойду и пожелаю счастья, И, лицом не дрогнув, Улыбнусь... Эта ночь с её сияньем чудным, Видно, в утешенье мне дана. И душа каким-то странным чувством, Светлым и невыразимо грустным, Словно мир ночной, озарена. Как-то сразу стало вдруг понятно: Наше расставание – пустяк Перед тем, Что вижу в небесах: Млечный Путь в просторах необъятных, Полная луна в пигментных пятнах, Словно молодуха на сносях.

* * *

В. Ф. Балачану

«Отъезд, как ни кинь, – смерть...» **Марина Цветаева**

Жребий брошен. Завтра мы уедем. Непривычно комнаты пусты. И на память розданы соседям В доме зимовавшие цветы. По чужим пригонам скот разобран, На подворье нашем – тишина... Грустно мне. Предчувствием недобрым Детская душа омрачена. Будто жизнь кончается одна, А на смену ей идёт другая, Новая. Неведомо какая, Этим и страшит меня она... А лукавый голос шепчет: « Женя, Неуместна мнительность твоя, Отчего такое отторженье

Будущего райского житья? Скоро городское новоселье, Дом уютный, новые друзья. Блага, недоступные доселе. Там в библиотеках книг полно. Там с утра до вечера кино, В горсаду – качели-карусели, А в ларьках – пломбир и эскимо...» Нет в соблазнах этих утешенья, Я о них нисколько не тужу. На сердце всё горше, всё тяжеле, Времени всё меньше до отъезда, И себе не нахожу я места. Пасмурный, то здесь, то там брожу... Милые сельчане. Не серчайте, Вам я шлю остатний свой привет И земной поклон. И вы прощайте, Речка, школа, клуб и сельсовет. Расстаюсь с полями и лесами, И глаза, набухшие слезами, Видят всё теперь совсем другим, То, что было будничным, обычным, Скучным, неприметным и привычным, Стало вдруг щемяще дорогим.

Прощевай, Родимая деревня... И в тысячевёрстном отдаленьи Не смогу тебя я позабыть. Пред тобой печальная дилемма: Быть или, скорей всего, не быть? Прощевай и к худшему готовься. У тебя в запасе мало дней. Ты зачахнешь и исчезнешь вовсе, Будешь жить лишь в памяти моей. Горестным укором, дальним эхом Буду в ней звучать твои слова: «Если бы тогда ты не уехал, Я была бы всё ещё жива...»

* * *

...Покайся, грешник, ибо час твой близок. Ведь это ты, Ни кто-нибудь другой, Село своё родное в чёрный список Когда-то внёс недрогнувшей рукой? С тех пор раздолье прадедовских пашен Заполонила сорная трава... О, как в служебном рвеньи слеп и страшен Иван-дурак, Не помнящий родства!

ЕФРЕМОВКА – КОНОВАЛОВКА

Н. Г. Гаращуку

От наших сёл остались лишь названья, Неперспективны – вот и все дела... Как хорошо. Что все-таки мы с вами Из одного медвежьего угла. Предаться размышленьям невеселым, Мой дорогой земляк, повремени. Земной поклон – угасшим нашим сёлам. Пока мы живы – живы и они Мой дорогой земляк, пока мы живы, Завещанные пращурами нивы Не осквернит забвения трава. Чертополохом, Коноплей, Крапивой Не зарастёт незримая тропа, Ведущая сквозь грозы и метели К святым истокам,

В прошлое, Туда, Где в отчем доме В давние года Поскрипывали наши колыбели, Где терпкий запах луговой полыни Способен и теперь сводить с ума, Где в тальниках плутает и поныне Заросшая кувшинками Кама. Там, посреди безмолвия лесного, Вдруг снова оживёт родная мова И зазвучат забытые слова. По-русски-украински-белорусски Заговорят деревья и трава. Воскреснет всё и станет зримым снова, Что невозможно позабыть никак: Сатиновые скромные обновы, Кизячный дым, Вкус молока парного, Звон комариный, Цыпки на руках... Над старыми могилами склониться И разреветься, Скорби не тая. И бесконечно дорогие лица

Опять возникнут из небытия...

Каким бы ни был возраст наш осенним,

Душа дотоле будет молода, Покуда над ефремовским посельем, Пока над коноваловским посельем Мерцает нашей Памяти звезда, Пока мы помним дедовские песни, Пока мы можем новые сложить. Чтоб наши сёла с нами не исчезли, Давайте будем долго-долго жить!

ДЕРЕВНЕ

Заклинаю на всякий случай: На рассвете приснись, успокой И не мучай меня дремучей Заозерной своей тоской. Не сочти мой исход позорным. Я опомнился и уже Собираю тебя по зёрнам И по льдинкам в своей душе.

ГРАЧИ. NEVERMORE*

Вслед за пахарем прилежным Ходят жадные грачи.

А. К. Толстой

Пусто место сие, Ни жилья, ни жнивья...

Из незавершённого

Свято место без труда отыщем. На него нас выведет река, И уже видна издалека Рощица с грачиным городищем. Здесь, где нынче траурные травы Никнут в замогильной тишине. Каждый год горластая орава Дружно хлопотала по весне. Помнила, что тут и кров, и пища, Сельбище и дедов, и отцов, И латала-ладила жилища, Выводя и пестуя птенцов.

^{*} Nevermore (англ.) – никогда. Рефрен в поэме Эдгара По «Ворон».

И повадке следуя всегдашней, По привычке, давней и простой, Как и человек, кормилась пашней, Шла за плугом вешней бороздой... И тревожно сердце ворохнётся, Слишком поздно появился ты: На зиму оставленные гнёзда Почему-то всё ещё пусты. Снег уже давным-давно растаял. Где же вы, пернатые крестьяне? Или от безлюдия устав, Вотчину покинув, Ваша стая Обживает новые места? Покружив над ней С тоскливым граем, Канула в неведомый простор И навек простилась с отчим краем Чужеземным словом: «Nevermore».

ПАЛЫ

Г. К. Рудько, великому знатоку и радетелю сибирской природы

Кем-то брошена спичка, Украдкою, Из-под полы, Кем-то снова дарована воля огню. И гуляют опять по округе шальные палы, Прошлогодние травы горят на корню. И печалью, и гневом наполнится Бедное сердце моё... Рыщет пламя повсюду, как рыжий дикарь. Гибнут птичьи гнездовья. Задыхается в норах зверьё. Словно чёрный лишай, По земле расползается гарь. И белёсая мгла застит весь обозримый простор, И дышать тяжело,

И слезятся глаза.

Вот уже полыхают валежник и сухостой, И на сотнях гектаров объяты пожаром леса. ...Был мой прадед когда-то по-своему прав, Сухобыл на покосных лугах выжигая дотла, Но не ради забавы — ради будущих трав, Чтоб зелень густою, высокой и сочной росла... Люди-нелюди, Что же мы с вами творим

Что же мы с вами творим С достоянием самым бесценным своим, Мы ведь в этой геене и сами горим... ... И не сладок, а горек отечества дым.

БАЛЛАДА О ДВУХ УЛИЦАХ

А. В. Докучаеву

Улица Красная, Улица Ленина. Хоть и параллельные, но сошлись – Здесь произрастало наше поколение, Здесь и начиналась наша жизнь. Как порою хочется Пристально вглядеться В те года далёкие, Вспомнить всех и вся. Оттого всё чаще мы впадаем в детство, Потому что в старость нам впадать нельзя... Как на Красной улице Помню дом бревенчатый, Льюшийся из окон теплый свет. В этом добром доме Был всегда привечен я И всегда радушием согрет. Как на наших улицах Жили мы без шику, Не теряя времени

```
По-
   пус-
Бултыхались в Омке да играли в «чику»,
«Выжигалы», «зоску» и лапту.
Были пионерами.
В комсомол вступали.
Повзрослеть хотелось,
И бурлила кровь...
Первый наш «чинарик»,
Первый наш стопарик
И, конечно, первая любовь...
Пусть нам не собраться
Прежним шумным кругом,
И вести потерям продолжаем счёт,
Для меня остался ты
Самым давним другом,
Хоть, сказать по правде, ты уже не тот...
Хочется приехать, да всё нет оказии,
Вымотала душу суета.
А на наших улицах отцвели акации,
А на них «пикулек» – до черта.
Наших улиц милых имена нетленные
Пронесём по бурным волнам бытия.
Улица Красная,
Улипа Ленина –
Это мы с тобою,
Это ты и я.
```

ДЕТСТВО. ПРОВИНЦИЯ. ПЕРВОМАЙ

С утра весь город бредит Первомаем, Одним из главных дней в календаре. И даже мы, салаги, понимаем, Какой великий праздник на дворе. С окраин к центру движутся знамена, Чтобы успеть к началу торжества. Весь город, как единая колонна, А вместе с ним и наш четвертый «А». Одной семьею, Дружной и большою, Шагает бодро трудовой народ. Поёт хоть под гармошку, но с душою, А громче всех, конечно, спиртзавод. Лучами солнца вешнего согреты, На нас взирая мудро и хитро, Плывут над демонстрантами портреты Почтенных старцев из Политбюро. Увенчанный велюровой короной, С трибуны моложавый вождь районный, Плакаты, транспаранты и флажки Приветствует улыбкой благосклонной И отчим помаванием руки.

Я очарован этим днём весенним, Как все, охвачен праздничным весельем,

Иду, любуясь юною листвой.

Мне десять лет.

Я желторот и зелен,

Как этот одуванчик молодой.

Я рапортую,

Слов не тратя лишних,

Что я перед Отчизной сердцем чист.

Я пионер, тимуровец, отличник!...

Вот здесь соврал.

Пока что хорошист...

Пылают наши алые пилотки,

Моя слегка великовата мне.

Орём «Ура!» во все ребячьи глотки

Так, что, наверно, слышно и в Кремле.

Не строги педагоги к нам сегодня.

От классной дамы, что невдалеке,

В рукав чинарик прячет второгодник

С фанерною пятеркой на древке.

В сторонке

(у него свои резоны,

сходняк его не зря короновал),

Решив немного отдохнуть от зоны,

Стоит, осклабясь, местный вор в законе.

Он, видно, вспомнил о другой колонне – 3К, бредущих на лесоповал

Под встречным ветром Да во чистом поле, Где нет укрытья, А мороз – жесток... Кого-то не хватает...

Нету Коли.

О, где ты, городской наш дурачок? Сидит он в сквере с голубком картонным, От горьких слез, поди, промок насквозь. Пройти сквозь милицейские кордоны На этот раз ему не удалось... Страна идёт вперед победным маршем.

Я счастлив, что в СССР живу.

И мой сизарь,

За пазухой дремавший,

Стремительно

Уходит

В синеву.

Сомнений нет: мы победим Буржуя! И ты, Милитарист, угомонись!..

... И с замираньем долго вслед гляжу я Своей душе.

Летяппей

В коммунизм...

ХЛЕБ ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРОГО

Утро. Я еще в постели. А в селеньях-городах Все постели опустели, Все давно в очередях. У продмага, С желтой сеткой, Мерзнет с раннего утра Рядом с заспанной соседкой Невеселая сестра. А чего тут веселиться? Нету хлеба. В октябре. Горожане морщат лица И мечтают о тепле. Что-то вспомнилось кому-то (...продразверстка... жмых... труха...) В это розовое утро С красным гребнем петуха.

Я корежусь на ветру, Я пришел сменить сестру. Та, поднявшаяся в пять, Убегает досыпать... Неуютно спозаранку, Зябко мне и спать хочу, Но заветных три буханки Наконец-то получу. И шагая по проулку, Счастлив, что домой иду. И краюху теплой булки Уминаю на ходу.

«ПАРАШЮТИСТ»

Среди детских забав, нередко сопряженных с какими-нибудь вполне реальными опасностями, будь то стрельба из «поджигов» или сплав по реке на самодельном плоту, самой захватывающей и, наверное, самой рискованной была игра в «парашютистов». С приходом устойчивого весеннего тепла, когда снега не оставалось даже в затенённых низинах, а в затишке солнце припекало полетнему, в погожие дни после школьных занятий они часами, иногда до самых сумерек, пропадали в городской роще, где было полное раздолье для всех потех, в том числе и для вышупомянутой.

Для этого требовалась самая малость: немного смелости и ловкости и молодая тонкая берёза. Взобравшись на неё до самой оконечности и крепко ухватившись за верхушку обеими руками, «парашютист» освобождал охваченный ногами ствол и повисал в воздухе. Под его тяжестью дерево медленно и плавно сгибалось почти до самой земли, что очень напоминало настоящий спуск с па-

рашютом. Ощущение хотя и немного жутковатое, но ни с чем не сравнимое. О том, что можно сорваться во время подъёма, наступив на засохшую или подгнившую ветку, что может не выдержать и обломиться сама макушка, а тем более о последствиях всего этого они даже и не думали...

... После двух удачных приземлений он решил выбрать берёзу повыше. Приглянулась рослая красавица, весело шелестевшая молодой листвой. Привычно забравшись на самую верхотуру, откуда следившие за его восхождением пацаны выглядели лилипутами, он ухватился покрепче за «парашютные стропы» и бросил тело в воздушное пространство...

Но произошло нечто непредвиденное: с большой неохотой придя в движение и лишь слегка наклонившись, верхушка березы замерла, и «парашютист» неподвижно завис на запредельной высоте, прыжок или падение с которой могли грозить как гибелью, так и тяжким увечьем. С леденящим душу ужасом он понял: совершена непоправимая ошибка, берёза попалась кондовее двух предыдущих, и его бараньего веса для нормального спуска недостаточно. А после двух неудачных попыток вновь уцепиться ногами за выгнутый дугой ствол, убедился, что это только пустая тра-

та сил и вернуться на землю обратным путём уже невозможно. Мальчишки, которых конфуз друга вначале позабавил, испуганно и растерянно притихли. «Спускайся!» — истошно крикнул кто-то из них. Спасибо за совет, умник. Рад бы, но как?..

Безысходность ситуации, в которой он неожиданно оказался, и невозможность что-либо предпринять для своего спасения были настолько очевидны, а потрясение, пережитое им, столь велико, что он уже не тешил себя никакой надеждой и даже смирился с тем, что вот-вот неминуемо должно было произойти. Невыносимо горько, до комка в горле, стало от пронзившей смятённое сознание мысли, что они вот-вот исчезнут друг для друга навсегда — Он и ставший теперь для него высшей ценностью, самым дорогим достоянием этот прекрасный в своем непостижимом многообразии огромный Мир, пусть даже очень непростой, непредсказуемый, а порой и жестокий...

Будь что будет. Единственное, что он теперь мог, — это держаться, держаться как можно крепче за верхушку березы, сыгравшей с ним такую жестокую шутку, держаться до последнего, до того мгновения, пока не разожмутся сами собой его окончательно ослабевшие руки... Снизу до него доносились возбуждённые голоса, там происходила какая-то суета, но им уже овладело полное

безразличие ко всему, что он слышал и видел. Он готовился к своему последнему полёту с небес на землю, и если бы верил в Бога, то помолился бы Ему...

И вдруг он почувствовал, что по древесному стволу пробежала дрожь. Медленно повернув голову, увидел, что кто-то с обезьяньей быстротой и ловкостью движется к нему. И когда тот приблизился, узнал в нём одного из тех ребят-пэтэушников, которые расположились неподалёку своей компанией и, нежась на майском солнышке, густо дымили «Примой», резались в карты на щелбаны и копеечный интерес и, обходясь без стаканов, гоняли по кругу бутылки с «Яблочным». Узнал, но не сразу осознал, что в облике этого плотно сбитого, белобрысого архаровца, хронического второгодника, которого родная школа с радостью спровадила в ПТУ*, приблатнённого задиры и хулигана к нему пришло Спасение.

— Здорово, дятел, — сказал он. — Тебя какой хрен сюда занёс? А ну-ка, подвинься!..

Он мигом пристроился рядом, и ощутимая дополнительная нагрузка позволила сразу же уверенно продолжить прерванное снижение. От Спасителя, как от взрослого мужика, пахло крепким

^{*}ПТУ – профессионально-техническое училище.

табаком и дешёвым вином, а на правой руке синела свежая наколка «ТОЛЯ». Земной тверди они не достигли, но спустились настолько, что уже можно было безбоязненно спрыгнуть. Он плюхнулся плашмя на старую муравьиную кучу и на несколько секунд, прежде чем встать, замер в каком-то нелепом оцепенении, всё ещё как бы не веря своему чудесному избавлению...

Какое это было счастье вновь ощутить под ногами лесную землю, устланную прошлогодней листвой, сквозь которую, прошивая её насквозь, вовсю пёрло юное разнотравье. Его обступили радостно галдящие друганы, а он растерянно смотрел на того, кому был обязан своим почти что воскрешением, не зная, как его отблагодарить.

Но Спаситель был явно не в духе. Он, морщась, потрогал поцарапанную щеку (зацепился в спешке за сучок) и совсем помрачнел, глянув на испачканную берёзовым мелом училищную форму. Вперив в «парашютиста» недобрый взгляд, решительно направился к нему с таким видом, словно хотел задать трёпку. Но, подойдя вплотную, лишь больно дёрнул за ухо и громко сказал:

Не лазь, куда попало, са-ла-бон, – и ехидно добавил: – Парашютист от слова параша...

И как бы для закрепления сказанного в памяти спасённого им огольца, влепил ему такого ядрёно-

го щелбана, от которого у того потемнело в глазах, зазвенело в ушах, а на лбу мгновенно взбухло нечто шишкообразное..

Уходя, он обернулся.

 Всем сказано... Закрываю ваш ДОСААФ*. На деревья больше ни ногой. Увижу – вздрючу.

.... А через много-много лет им довелось встретиться снова. Приехав издалека в родной город на похороны родственника, Парашютист после поминального обеда решил пройтись по местам, памятным с детства и юности. Рассудив, что шкалик с коньяком в этой сентиментальной прогулке лишним не будет, направился к хорошо знакомому магазину №13 «Продукты», в который, проживая когда-то по соседству, хаживал ещё школьником и который несмотря на свой несчастливый номер сумел успешно, благодаря всенародной поддержке, пережить лихолетье девяностых.

В человеке, стоявшем поодаль от входа в магазин трудно, почти невозможно было узнать Спасителя, но это был Он. Сутулый, невероятно исхудавший, в лоснящемся от заношенности пиджачишке, в каких-то нелепых, с прорехами, джинсах, с отёчным красным лицом, полуввалившимся ртом и тусклыми глазами, окаймлёнными конъюк-

^{*} ДОСААФ – Добровольное общество содействия армии и флоту в СССР.

тивитом. На руках – татуировки, явно лагерного происхождения, среди которых как бы затерялась та – самая первая.

– Слышь, земляк, – и Парашютист услышал то, что в общем-то и ожидал услышать, – войди в положение, добрось чирик на опохмелку...

Вот и пришло время, подумал он, хоть с великим запозданием, но всё-таки отблагодарить этого человека за некогда содеянное им добро. Каким образом? Теперь только одним, другие уже бесполезны...

На протянутую ему купюру Спаситель поглядел с уважительным удивлением, но взял не сразу, как бы опасаясь какого-нибудь подвоха. А вдруг этот щедрый фраер в последний момент, захохотав, отдернет руку, или эта бумажка, так похожая на настоящую «красненькую», на самом деле из «Банка приколов». Удостоверившись в подлинности денежного знака, он очень бережно положил его в нагрудный карман и пристально поглядел на Парашютиста, словно пытаясь что-то вспомнить. Но как ни старался, так и не смог...

– Благодарствую, – прошелестел он всё тем же лишенным какой-либо интонации голосом и, прихрамывая, побрёл к двери магазина.

А Парашютист направил свои стопы к другой ближней торговой точке. И твёрдо знал, куда он

пойдёт потом в первую очередь. В городскую рощу. К той самой, уже заматеревшей и ещё более вознёсшейся к облачным высотам берёзе, где так сурово и неожиданно явила ему себя трагическая сущность человеческого бытия, где он впервые прочувствовал до всей глубины своей отроческой души, что такое жить и что такое умереть. А вот правильно ли он сделал, что не открылся Спасителю и не взял его с собой, Парашютист не знал. И не знает до сих пор...

* * *

Хорошая была рубаха У Вовки. Если бы со зла Не порвала её собака, Она бы век была цела. Хорошая была деваха У Вовки. Если бы весной Она не вышла за завмага, То стала бы его женой. Хороший парень был Володя. О нём осталось лишь тужить. Не утони он в половодье — То мог бы долго-долго жить.

ЮНОСТЬ. ПРОВИНЦИЯ. ГОРСАД

...Вместе в первый раз пришли сюда мы, Я готов ей рыцарски служить. Что мне стоит в честь Прекрасной Дамы Хоть стихи, хоть голову сложить. Сердцеедка местного разлива, V неё поклонников толпа. Умопомрачительно красива И очаровательно глупа. И в сопровожденьи этой феи Волокусь под сению древес. Интеллект её мне в общем-то до фени. К ней у всех – телесный интерес. Я всерьёз не думаю об этом, Хоть слегка кружится голова... Ей ведь тоже в кайф пройтись с поэтом, Коим нарекла меня молва. Для сюжета и соперник есть. Давний ухажёр моей сильфиды, На неё он сохраняет виды, И томит его любовь былая, Страстию и ревностью пылая, Он сегодня тоже где-то здесь.

На четыре «паски»* осужденный, Но не отсидевший от и до. На беду мою освобожденный, Вышедший на волю по УДО.** ...Будет драка. В этом нет сомненья. Стрёмно помышлять об отступленьи. Помоги, Господь, и защити... Нет развязки проще и банальней, И в конце аллеи самой дальней Двое встанут на моём пути. $\mathbf{R}$ – олин А суперменов – пара. Значит, предстоит неравный бой, Значит, право первого удара Я могу оставить за собой. Кулаками без толку махаю, Но упорно норовлю попасть В мухами обсиженную харю, В перегаром пышущую пасть. Не слышна отсюда танцплощадка, Хлещемся в кромешной тишине, Никому не будет здесь пощады, Ну а если поточней, то мне.

^{* «}Паска» (жарг.) – год срока тюремного или лагерного заключения.

^{**} УДО – условно-досрочное освобождение.

Глаз уже заплыл, Губа подмокла, И свинчатка свищет у виска... Вот и запоздалая подмога Трелью милицейского свистка. Лезвие серебряною рыбкой Вдруг блеснёт. Зажжет в боку огонь. И рубаха сразу станет липкой, И такой же красною – ладонь. Далеки ещё мои поминки, И судьба ко мне ещё добра... А на память тонкий след от финки, Весело скользнувшей вдоль ребра... Этот вечер, Тёмную аллею С грустью вспоминаю вновь и вновь... Так что я, наверное, имею Право рифмовать «любовь» и «кровь». * * *

Бысть некая зима, всех зим иных лютейша паче...

И. А. Бунин

Декабря и не припомнить хуже. Жёсткая бесснежная зима Что ни день – В объятьях адской стужи Коченеют люди и дома. Мы-то как-нибудь, а птичек жалко. Их мороз как из «мелкашки» бьёт. Кроха в материнском полушалке Плачет над замерзшим воробьём. И стреляют по ночам деревья, Трескается голая земля... А соседка наша овдовела, Лихоманка Мужика Взяпа Как обидно, что пожил он мало, Добр и честен, скромен и раним.

Мы-то живы, а его не стало, – В чем и виноваты перед ним... Надо же такой беде случиться. Нужно проводить в последний путь, Навсегда со сверстником проститься И достойно, а не как-нибудь. В нужный срок управиться смогли мы. Через силу, Через маяту, Но за сутки вырыли могилу, Яростно Вгрызаясь В мерзлоту. ... Вот и всё. И отправляясь к месту Нового и вечного жилья, Из дверей четвертого подъезда Выплывает красная ладья. Скорбный марш. Ревут, фальшивя, трубы. Нелегко играть духовикам. Спирт не помогает, Липнут губы К сизым от мороза мундштукам. В ледяном тумане тонет город.

Мысль одна:
Всё завершить скорей.
И с небес сошед вселенский холод Всех нас продирает до костей.
...Лишь потом,
Придя в себя немного,
С горькой безысходностью пойму И представлю я,
Как одиноко,
Как темно,
Как холодно ему...

МОКРЫЙ СНЕГ

П. А. Кошелю

Над отрыжкой сытой и над бедами, Перышки роняя в ваши руки, Облетают чьи-то крылья белые, Колыхаясь в снежной завирухе. И с небес на грудь земли остылой, Крохотный, продрогший и промокший, Синим пупырышчатым комочком Человечек упадет бескрылый. А худая старенькая женщина Подбежит к нему, Распластанному, Голому И прошепчет горько: «Что ж ты, Женечка, Полетел в нелетную погоду?»

днд*. вытрезвитель

... Вот он, человеческий отстой, Собранный в потёмках по сугробам... Если здесь побыть денёк-другой, Поневоле станешь мизантропом. А в дежурке – за звонком звонок, Мы сегодня напрочь сбились с ног И опять срываемся, Понеже Выявлен ещё один «подснежник», И туда летит наш «воронок». Не успев совсем окоченеть, Сей субъект пытался что-то спеть, Дух распространяя перегарный, А когда оттаял наконец, То рыдал, То драться лез, Подлец, Крыл нас матом,

^{*} ДНД – добровольная народная дружина.

Хмырь неблагодарный... И нетрудно угадать, Что он По приезде Старшиною дюжим Будет куда надо водворён: Протрезвится под холодным душем.... ...Господи, Хоть ты не позабудь Всех крещёных в ледяной купели, Всех, кого давно живьём отпели. К падшим этим милосерден будь! Каждому даруй обратный путь: На казенном лежаке заснуть, А проснуться – В детской колыбели...

Будучи студентами мы способствовали поддержанию общественного порядка, по графику в свободное от учёбы время патрулировали улицы сибирской столицы, а в один из зимних вечеров 1969 года, в суровые морозы, мне даже пришлось подежурить в медицинском вытрезвителе. Насмотрелся...

ЗЕЛЁНОЕ И ЖЁЛТОЕ (ОСЕНЬ ДЕВЯНОСТО ПЕРВОГО)

1

А душа, словно омут, темна... В одиночестве выпить вина И отдернуть кисейную шторку. Вся округа еще зелена, Кроме ближней березы. Одна До поры пожелтела она. Отчего? Оттого что подолгу Я гляжу на неё из окна...

2

«... шел вдоль чугунной ограды Оперного, разгребая ногами палые листья, и вдруг среди сплошной жухлой желтизны всех оттенков мелькнуло нечто зеленое. Листок, но жестяной...»

Как будто полегчало, Но не очень... А улицы листвой занесены.

Скорей кончайся,

Золотая осень,

Уже в глазах рябит от желтизны.

Как неуместны все твои красоты,

Когда скупает души сатана,

Когда сданы последние высоты

И вся страна

Желтухою больна.

Витийствуют на стогнах лжепророки,

Врагов извечных сватая в друзья

(О, Боже, как мутит от их вранья),

Над всем святым глумятся скоморохи,

И на отцов клевещут сыновья.

Что делать мне?

Каким заморским зельем

Лечить тебя,

Российская тоска?..

На всем пространстве лист один лишь зелен

И тот

Из похоронного венка...

COH

Костёр на вершине холма Мерцает чешуйкой в тумане, И чем непрогляднее тьма, Тем свет этот горний желанней. К нему я добраться хочу И знаю, кого там увижу. И вот всё скачу и скачу, А он не становится ближе. Всё так же далёк и далёк, Чуть виден сквозь чащу лесную, И мертвые петли дорог, Как путы, меня захлестнули. Вконец измочалена плеть, И как бы коню не упасть... На пир мне уже не успеть, Так хоть бы на тризну попасть...

воробей в метро

Я недолюбливаю метро при всех его неоспоримых достоинствах, так как в нём мне фатально не везёт. Вечно не хватает нескольких мгновений, чтобы заскочить в последний вагон, а первый прибывающий поезд тоже всегда не тот, который мне нужен. И когда очередной состав, на который я снова опоздал, унёс с собой большую часть пассажирской биомассы, на временно и частично опустевший перрон невесть откуда выпорхнул он – совсем крохотный, величиной чуть поболее младенческого кулачка, серый воробьишка. Почему он оказался здесь было понятно: укрылся от царившей наверху свирепой крещенской стужи, не щадившей птичью мелочь. А вот как ухитрился этот проныра при своей суперпугливости прошмыгнуть вместе с людьми сквозь две входных двери, чьи створки бывают открытыми считанные секунды, оставалось только гадать. Предположение, что ему могли быть известны и другие пути проникновения сюда, исключалось, так как если бы таковые существовали, то он бы вряд ли пребывал в одиночестве, и здесь бы уже тусовались, оглашая радостным чириканьем гулкие своды подземки, десятка два его соплеменников.

Не теряя времени, воробей шустро и деловито поскакал по свободному от человеческого присутствия пространству, обследуя новую среду обитания с явной целью чем-нибудь поживиться. Но тщетно. Стерильная чистота метрополитена может вполне соперничать с больничной. Нигде ни крошечки, ни крупиночки. Ничегошеньки, кроме миниатюрной лужицы, натаявшей с чьей-то рубчатой подошвы. Неудача его не обескуражила, и он, видимо, решил, что если подкрепиться нечем, так надо хотя бы утолить жажду. Что и было сделано. А затем решил продолжить свои изыскания и буквально перед самым объявлением о прибытии поезда лихо устремился навстречу ему в тёмную, пахнущую креозотом пасть туннеля. Но не пробыл там и полутора минут, вылетел, как ошпаренный, метрах в двух впереди гнавшегося за ним, ревущего и грохочущего чудища и ошалело взвился свечкой к потолку...

Вагон мой тронулся, и продолжение воробыных злоключений досматривали уже другие. А я с удивлением ощутил, что проникся стойким сочув-

ствием к этой отважной птахе с её упорным и трогательным стремлением выжить где бы то ни было и во что бы то ни стало, даже в совершенно экстремальных условиях. Возвращаясь вечером домой тем же маршрутом, я приготовился к возможной встрече с пернатым «мигрантом» и готов был взять грех на душу, тайком раскрошив купленную в хлебном киоске «посыпушку» на максимальной удаленности от поста дежурной по станции и в стороне от средств видеонаблюдения. Но он так и не появился, хотя я встретил и проводил по три поезда в ту и другую сторону. Может быть, уже знакомым способом сумел выбраться наружу, где к концу дня заметно потеплело, или в полудреме затаился где-нибудь в укромном уголке. С учётом второго варианта своё предосудительное намерение я, на всякий случай, все-таки выполнил, в чём и по сей день не раскаиваюсь... Не берусь утверждать, что стал свидетелем уникального случая, но клянусь, что с того давнего дня лично мне видеть воробьев в метро больше не доводилось.

Докурив косячок, Выпив водки (а теперь и сам чёрт им не брат), Экстремалы сигают с высотки, Меж землёю и небом парят. Есть решимость, Хватает сноровки, И душа от полёта пьяна. Но крепка ль пуповина страховки И насколько надёжна она?.. Страха нет. Только лёгкая робость. И опять ты у кромки стоишь, И опять ты бросаешься в пропасть, Между жизнью и смертью паришь. Но развязка бывает иною: Связка лопнет гитарной струною... ...Крик прозительный, Словно ожог... Столкновением с твердью земною Завершится Последний Прыжок.

Как-то сразу вокруг потемнело, И застыла братва не дыша. На земле – распростертое тело... ... И – летящая к звездам душа...

Пришлось дважды опровергать предположение, что в основе этого стихотворения — авторский вымысел. Клятвенно заверяю всех, и в первую очередь — скептиков, что сюжет абсолютно реальный, и мне известны даже два таких случая, которые произошли в одном и том же месте, причём совсем рядом с нашим домом. Кстати, о каждом из них в своё время сообщалось в электронных СМИ.

...На углу Кошурникова и Фрунзе около полутора десятка лет простояла, зияя пустыми оконными и дверными проёмами, высоченная «свечка»-незавершёнка, перешедшая в категорию «долгостроя» ещё в год дефолта. Свободным доступом внутрь охотно пользовались как местные тинейджеры, так и молодые люди постарше. Ещё бы: надёжная защита от погодных капризов и очень удобное место для тусовок и разборок, лирических встреч, для дружеских возлияний и чрезвычайных нужд.

Однажды, проходя мимо, я услышал доносившиеся сверху оживлённые голоса и, подняв голову, увидел на самой кровле стайку парней и девчат. Не успел и самую малость поразмыслить о том, зачем они там оказались, как с карниза сорвалась и понеслась в стремительном падении к земле крохотная человеческая фигурка. Первая жуткая мысль: несчастный случай... Но я, к счастью, тогда ошибся.

Оказалось, что это экзотическое строение облюбовала молодёжная компания любителей острых ощущений. При моём, как и у всех степняков, страхе высоты у меня замирало сердце, когда я лично наблюдал, как они, забравшись на самый верх и прикрепив к поясу эластичный страховочный шнур, бравируя друг перед другом показным бесстрашием, под восторженные вопли прыгали вниз. Связка амортизировала, и происходило нечто вроде парения. Продолжалось это до тех пор, пока не погиб один из них.

Потом после не столь уж долгого перерыва появилась другая команда. И эти экстремалы тоже испытывали судьбу до того дня, когда произошла ещё одна трагедия. На этот раз насмерть разбилась девушка. Только тогда объект взяли под охрану, и вольные посещения роковой высотки, ныне превратившейся в элитный жилой дом, прекратились. Кстати, такие опасные забавы хотя и не были массовым явлением, но определённое распространение в молодёжной среде имели. Что побуждало к этому? Будничная скука, стремление к самоутверждению, желание не выглядеть слабаком среди сверстников? А если вспомнить твои собственные похождения в детские и юношеские годы? То-то и оно...

У меня и ныне двойственное отношение к этим ребятам. Не могу с позиций своего поздне-

го возраста и жизненного опыта не порицать их за столь легкомысленное, даже пренебрежительное отношение к собственной жизни, за их грозящие летальным исходом рискованные (и всего лишь ради краткого адреналинового кайфа) игрища, но и не могу не отдать должного их смелости и, может быть, подсознательному осуществлению давней мечты человека летать, как птица...

Вспомнилось, что сказал мой дед, дочитав последний том «Тихого Дона», сняв очки и бережно коснувшись рукой книжного переплёта: «Из жизни взято». Не спешите обвинить в нескромности, никаких аналогий между гениальным романом и моим скромным рифмосплетением, кроме чисто формального сходства: тоже взято из жизни.

ЧЕЛОВЕЧКИ

(ШУТКА)

На мегаполис, Густо заселённый, Гляжу с провинциальною тоской. Два человечка, Красный и Зелёный, Сопутствуют мне в жизни городской. Я с их опекой свыкся понемногу, Я их терплю уже не первый год. Зелёный уступает мне дорогу, А Красный мне проходу не даёт. Зелёный говорит: «Все люди – братья! На всех почиет Божья благодать!» И раскрывает широко объятья... А Красный так и метит в морду дать. Мне сателлиты как в глазу бельмо, Как гиря на причинном месте, как ярмо. Зелёный восклицает: «Мир прекрасен!..» А Красный с ним опять же не согласен И убеждён, что всё вокруг – дерьмо.

Пред Ней тускнеют женщины другие. Такая стать, Что глаз не оторвать. Зелёный восторгается: «Богиня!» А Красный тут же уточняет: «....!» Хоть я и старожил на этом свете, Ещё не время подводить итог. Зелёный мне пророчит долголетье, А Красный шепчет: «Чтоб ты, падла, сдох...» Их противостояньем утомленный, То херувим, а то и сатана, Я сам порой То Красный, То Зелёный. И всё труднее Соблюсти Полутона...

* * *

Ветер вырвет газету из рук Задремавшего пенсионера, И снежинки посыплются вдруг На газоны весеннего сквера. Сразу станет светлее в аллее, Убелённой прощальным снежком, Что растает гораздо быстрее, Чем таблетка под языком...

БЕЛКА-ГРИБНИЦА

...Эта забавная история случилась со мной лет восемь назад. Мне за грибами далеко ходить или ездить не надо. К нашему дачному поселку примыкает обширный лесной массив, доходящий почти до Оби, а в нем водятся все основные виды грибов, даже опята, хотя валежин и старых порубок почти нет. Изучены мной эти угодья за три десятка лет загородного житья-бытья досконально, хорошо знаю, где что растёт. Главное — опередить соседей-конкурентов, которым несть числа. Приходится загодя отслеживать появление первой грибной поросли, бегать в лес на разведку.

В тот год я весь отпуск провёл на даче, делал пристройку к дому. Наведался как-то в лес, вижу: появились красные и розовые мухоморы и бледные поганки. По многолетнему опыту знаю: следом жди белого. Тут хороший дождь прошёл, за ним — две-три парных ночи. Встал раным-ранехонько, до рассвета, и побрёл. И увязалась за

мной собачонка нашего запойного сторожа Белка, которая меня держала за второго хозяина, у которого, в отличие от первого, всегда можно было подкормиться. Маленькое симпатичное существо, неопределенной породы, с лихо загнутым, как у лайки, хвостом.

С собой я всегда беру восемнадцатилитровое пластиковое ведро, не из жадности или самоуверенности, оно служит чем-то вроде походного стула во время перекура или перекуса. На этот раз я взял его не зря. Часа за полтора наполнил доверху отборным, почти без червоточины, молодым белым грибом. Это был праздник. Ни с чем не сравнимое блаженство. Всех опередил, всем соперникам фитилей навставлял. Прикрыл грибы пустым пакетом и пошел на выход.

Белка убежала вперед, на кого-то потявкала и ко мне вернулась. На подходе к опушке вижу: стоит человек. Подошел ближе: лицо кавказской национальности (они у нас кому-то чего-то стро-или). Держит в руках бледную поганку и внимательно ее рассматривает. Паутины нацеплял, колючек. Похоже, бригада его за приварком послала, да припозднился он и шел, бедолага, уже по моему следу.

А у меня душа поёт.

- Как успехи? спрашиваю.
- Плохо, отвечает. Вот всего одын гриб нашел. Ничего нэт.
  - Как, говорю, нет? А это что?

И сдернул пакет с ведра. У него от удивления – глаза на лоб.

- Расскажи, просит, как ты их ищешь?
- А я их не ищу, я их срезаю. Она ищет.

И показываю на Белку. А та сидит с умным видом – фасон, пустобрешка, держит.

— ...Я иду, посвистываю, покуриваю, к фляжке прикладываюсь, а она бежит впереди и всю землю прочесывает. Найдет гриб — даст знать. Если сыроежка или бычок — один раз гавкнет, если подберезовик или подосиновик — два, а уж если белый или груздь — изойдет в лае. И никого не подпустит, пока меня не дождется. А попробует посторонний посягнуть на гриб — насмерть вцепится... Ты не гляди, что она такая маленькая, зато удаленькая.

Смотрю: вроде бы верит.

- Какой хороший собака, говорит. Слушай продай.
- Э, браток, отвечаю, у тебя денег на нее не хватит. Таких собачек на весь земной шар, может быть, десятка три наберется. Особая порода, выведена методом клонирования. Продана с деся-

тилетней гарантией. Я и сам ей точной цены не знаю, мне ее на день рождения бывший однокашник подарил. Он теперь в новых русских, из-за бугра не вылазит, вот где-то ее и надыбал.

А у него во взгляде уже тень сомнения появилась. Ладно, думаю, финита ля комедия.

— Собака хорошая, спору нет, но очень уж с ней хлопотно. То заневестится, то среди ночи на Луну выть возьмется, то с котом Тишкой подерется, да и пользы от нее месяц-два, а кормить надо целый год по особому рациону, чтобы навыки не притупились. Вот опять же дополнительные расходы предстоят. Не может отличить хорошего гриба от червивого. Придется отправлять во Францию, в Париж, на курсы повышения квалификации и самому с ней ехать. Одну же её не отпустишь...

Вот тут он все понял и захохотал.

- Шутнык, говорит.
- Да, извини, говорю, друг, пошутил. А за то, что я тебя вроде бы разыграл, дам тебе нешутейный совет. Грибок, который ты в руке держишь, отбрось подальше, хорошенько руки помой и впредь обходи его стороной. Скушаешь ненароком ничего другого скушать уже не придётся. И еще один совет пораньше вставать надо...

Пожали друг другу руки и расстались.

Завернул я на обратной дороге в наш дачный магазин за обмывкой, а там уже похмельный люд колбасился. Взял чекушок себе и пару сарделек – одну опять же себе, другую – Белке, за верную службу. А заодно и рассказал мужикам про этот случай. Поржали они, на мои трофеи подивились и разнесли эту историю по всему нашему околотку.

А Белка на всю округу прославилась, почти так же, как её космическая тёзка. Любила она меня провожать до электрички. Идём, а навстречу ктонибудь из соседей-дачников. Мне слегка кивнут, а к ней с вопросом: «Ну что, Белка, много грибов нашла?»

Закончился мой отпуск, и на даче я бывал уже от случая к случаю. Ещё до окончания сезона выгнали окончательно спившегося сторожа, а вместе с ним исчезла и Белка, сохранив верность своему, хоть и непутёвому, но главному хозяину...

ЭЛЕГИЯ

А. И. Денисенко

«...дней лет наших... семьдесят лет, если же кто в силах – восемьдесят лет...»

Псалом 89

Пусть говорят, Что я ушёл в запой... Сказавшись в нетях. Отключив мобильник, Я пью на брудершафт с самим собой, И сам себе я лучший собутыльник. Покуда не угаснет в сердце боль, Своё уединенье не нарушу. Пускай мозги туманит алкоголь, А заодно и осветляет душу. Ещё одна похмельная заря ... Одна отрада: Канув в неизвестность, Отслеживать, как осень втихаря Преображает дачную окрестность. Как хорошо, Что лишних рядом нет

И нет помех процессу созерцанья, Чтобы вглядеться в свой автопортрет На желто-красном фоне увяданья, Окинуть взором весь пройдённый путь, Где складывалась жизнь то так, то эдак. Над чём-то очень горестным всплакнуть, Чему-то улыбнуться напоследок. И чередою из небытия Опять плывут и лица, и событья. И многое хотел бы вспомнить я, И многое хотел бы позабыть я Мерзавцем и злодеем не был я, Однако и в угодники не вышел. И я своим деяньям не судья, На это, слава Богу, есть Всевышний. Я очень многих проводил туда, Куда и сам отбыть сподоблюсь вскоре. Таков наш грустный жребий, господа. Недаром говорят: «Memento mori »* Совета не придумаешь дурней, А надо просто позабыть о Ней И жить взахлёб, С мальчишеским наивом, Не наблюдая ни часов, ни дней, Считать себя бессмертным и счастливым.

^{*} Memento mori (лат.) – помни о смерти.

«ВРЕМЁН МИНУВШИХ СМУТНЫЕ ЧЕРТЫ...»

Междуречье, Твоя догорает звезда, И красна, И страшна, Как пустая глазница. Превращаются в щебень и пыль города, Чьё былое величие может теперь только сниться. Иногда (реже некуда) мы вспоминаем о них, Созерцая руины пространства немого. Артефакты раскопок да клинопись глиняных книг, Если что-то расскажут, то очень немного. Достоянием всепоглощающей тьмы Стали будни и праздники тысячелетий. Там, где были дворцы и святилища, Ныне – холмы, А где всё остальное – уже ни следов, ни отметин. Всех пески погребли. И царей, и богов. Знать и чернь. Несть числа умиравшим... Только стаи крылатых человекобыков Пролетают порой над пустыней далёким миражем...

ЛЕГИОНЕРЫ

Ave, Caesar, morituri te salutant! Приветствие римских гладиаторов императору перед боем

О вольной жизни можем только грезить, Все тяготы армейские терпя. Мы тоже вправе крикнуть: «Славься, Цезарь! Идущие на смерть Приветствуют тебя!» Наш путь лежит к мятежным племенам И варварам, еще не покоренным. Туда лететь серебряным орлам, Туда шагать железным легионам. Мы воины твои, великий Рим. Твои границы неприкосновенны И скоро станут краем Ойкумены, Там, где мы кровью землю обагрим. Мы – твой таран, твой меч и твой заслон, Творцы твоей имперской грозной славы. И поступь наших маршевых колонн Бросает в дрожь соседние державы. Пусть нас пошлют хоть к чёрту на рога, Врага любого одолеть мы сможем.

Не будем врать, что жизнь недорога. Конечно, дорога.

Но честь - дороже.

Мы движемся в незыблемом строю, Всегда вперёд,

Ни шагу – на попятный...

Да будет проклят и навек запятнан Позором тот,

Кто драпа даст в бою.

А если так случится, что однажды Отступит вся когорта, Есть закон.

Карающий за трусость:

Будет каждый

Десятый

В назиданье всем казнён...

Нам долго жить на свете не дано,

Состариться, наверно, не успеем.

А заодно и знать не суждено,

Где прах наш будет по ветру развеян. Стервятники кружат – не жди добра.

И если умирать придёт пора,

Пусть будет гибель лёгкою и скорой.

И дымом погребального костра

Вернёмся мы к тебе,

Наш Вечный город.

АПОКРИФ

Ecce homo! Се – человек! Понтий Пилат (Иоан.19:5)

...Хотя глаза мне застилает тьма. Над миром вознесён своим распятьем, Я, корчась в муках, всё же не утратил Ни памяти, Ни веры, Ни ума. Мне ясен высший смысл моих страданий. Се воля есть небесного Отпа. А потому без стонов и рыданий Свой крестный путь пройду я до конца. Гвоздями пронзены мои запястья, Терновником истерзано чело, Но если вдруг заплачу, То от счастья, Что мне так несказанно повезло. Я так хотел всех осчастливить разом: Детей и старцев, и мужей, и жён. Но, как и прежде, нищенствует Лазарь И недоволен тем, что воскрешен. Явив чудес немало в этом мире,

Всех чаше вспоминаю я одно:

Когда на радость всем

На брачном пире

Речную воду превратил в вино...

Злом отвечать на зло – тягчайший грех.

Прощаю палачей, меня пытавших...

Смыкая вежды,

Я прощаю всех:

Отрёкшихся,

Предавших

И распявших.

Я завещаю вам свое ученье,

И нету больше сил терпеть мученья,

Я весь объят нездешнею тоской.

И сам Господь

В последний день творенья

Не испытал усталости такой.

Как хочется из праздничного кубка

Пригубить вновь заздравного вина...

... Но уксусом напитанная губка Уже к губам моим поднесена...

ПРОРОК

Всё то, что он предрёк, Свершилось в срок. Под огненным дождём и камнепадом Мир прекратил своё существованье. Со всеми вместе сгинул и пророк, Но был при этом чрезвычайно рад он Тому, что не ошибся в предсказанье.

ЭВОЛЮЦИЯ

Кем ты был? Деревянной лошадкой. Кем ты станешь? Троянским конем...

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. СЧИТАЛОЧКА

Раз, два, три, четыре, пять, Взять под стражу и пытать. Шесть, семь, восемь, девять, десять, Обезглавить, сжечь, распять, Утопить, четвертовать, Ослепить, повесить.

ВЕСНА ВИЙОНА

(ЛЕГЕНДА)

Когда меня тащили вешать, Ветра из теплой синевы Несли ликующую свежесть Едва пробившейся травы. Хлебами, бабами и миром Дышала влажная земля. Но сбегал лавочник за мылом, Чтобы душней была петля. И окруженный мешаниной Из красных рож и потных тел, Палач с разорванной штаниной Кровавым яблоком хрустел. Преступником — не страстотерпцем. Сей грешный покидая мир, С потухшим взглядом, Тяжким сердцем, О чем я думал в этот миг?.. О неоконченной балладе... О неизведанной любви...

О жизни. Что прошла в разладе С законом, богом и людьми... Повис Ну хоть бы зазнобило. Повис. А небо — наяву. Я думал: всё. Не тут-то было. Повис и чувствую: живу! Но чтобы показать сквалыгам, Что я подох, Весёлый крик Сдержав, я пяткою подрыгал И даже выкатил язык. Люд разошёлся, видя это, Чтоб за костями и вином Торжествовать: мол, наконец-то К чертям отправился Вийон. А я, пока не рассвело, Удрал в далёкое село. Дух плодородья надоумил Меня не помышлять о зле, Я хлеборобом, братцы, умер И похоронен был в земле...

ЦАРЬ

Возлюби ближнего твоего, как самого себя... $(M\phi. 23:35-40)$

...нет власти не от Бога. **Апостол Павел (Рим. 13:1-2)**

Тощий и хворый, На ладан дыша, Пред алтарём преклоняю колени. Худо мне, Боже! В смятеньи душа, Тёмные думы вконец одолели. Смилуйся, Отче! Пошли мне покой, Не изнуряй покаянным обетом. Сколько просить Тебя можно об этом? Знаю причину кручины такой, Коль пренебрёг Твоим главным заветом. Каюсь, жесток. Но моя ль в том вина? Ты ведь возвысил меня над толпою, Что предо мной пресмыкаться должна,

Так же, как я трепещу пред Тобою.

Рад возлюбить бы,

Однако нельзя:

Ближних

Семь смертных грехов обуяли.

Камень за пазухой держат князья,

В глотку готовы вцепиться бояре.

Хлещут винище святые отцы,

В блуде и пьянстве погрязли, срамцы,

Смерды ленивы,

Строптивы стрельцы,

Дьяки – мздоимцы и казнокрады...

Нет мне ни в чём ни малейшей отрады.

Только державу возьмёшь под уздцы,

То недород, то мятеж, то чума,

То лях, то ливонец, то швед, то татарин...

Как я еще не свихнулся с ума?

Хлопотно, Господи, быть государем.

Юроды блаженные вслед мне плюют,

Бьются в падучей, проклятия шлют,

Царский завидев возок на дороге,

И непотребные байки плетут, Наиподлейший народ,

Скоморохи...

Страхом единым сильна моя власть,

И таковым я останусь до гроба.

Дабы в ощип самому не попасть, Надо за всеми приглядывать в оба, Ужас вселяя в душу и плоть И уподобясь гладу и мору, Грады и веси, как гряды, полоть И выкорчёвывать с корнем крамолу. Будь ты холопом иль барином будь, Сочту, что повинен, – почиешь во прахе. Выживешь в пытошной – не обессудь, Нету пощады, И короток путь От дыбы с кнутом До кола или плахи. Не ведаю мирных ни дней, ни ночей, Порой до утра не смыкаю очей, Порою очнёшься от мутного сна И мнится: Хоромы затоплены кровью Всех убиенных по воле моей, Полой водой прибывает она И подступает уже к изголовью... Я многие лета лелеял мечту: Отречься И постриг принять, Променявши Престол и чертоги на келью в скиту,

А ризы монаршьи на рясу монашью. И давит мне голову царский венец. Нести его тяжко, Но боязно сбросить. С тревогою чую, что близок конец. За всё, что содеял я, Ты с меня спросишь. Ответь, Вседержитель: Что будет со мной Там, за пределами жизни земной? Злодейства свои замолю я едва ль, Нося власяницу, Таская вериги... Так кто ж я, Всевышний: Творец или тварь, Царь православный иль грешник великий?

ДЕКАБРИСТЫ. СИНОДИК

... и я бы мог... А. С. Пушкин (строка возле рисунка, на котором изображены казнённые декабристы)

Бунтари, вольнодумцы, поэты, Вы за всё расплатились с лихвой. Осыпаются с плеч эполеты, Шпага сломана над головой. Всем, кто вышел на площадь, – опала, Пятерым – эшафот и петля. Это участь Кондратия, Павла. Михаила. Сергея, Петра. Смерть кружила над ними двуглавым, Беспощадным имперским орлом. Попрощайтесь С Кондратием, Павлом, Михаилом, Сергеем,

Петром.

На рассвете свершится расправа,

И суглинок сокроет тела.

Где могила

Кондратия,

Павла,

Михаила,

Сергея,

Петра?

По паркету дворцового зала

Пролетает за парою пара,

И музыка гремит до утра.

В ослепительном празднестве бала

Вряд ли вспомнят

Кондратия,

Павла,

Михаила,

Сергея,

Петра...

Но настанет иная пора,

И придет запоздалая слава...

Так давайте помянем

Кондратия,

Павла,

Михаила,

Сергея,

Петра...

История этого стихотворения небезынтересна... С июля 1975 года я, окончательно расставшись с педагогическим поприщем, уже был корреспондентом отдела сельского хозяйства Куйбышевской районной газеты «Трудовая жизнь», в которой в общей сложности проработал потом десять лет, из которых три последних – редактором. С благодарностью вспоминаю своих старших товарищей, коллег-журналистов, способствоваших и на первых порах, и позднее моему профессиональному становлению - моего непосредственного «шефа» Ивана Ивановича Быкова, заведующего промышленным отделом Бориса Александровича Отрокова, ответственного секретаря Виктора Никитича Дроботенко, заведующую отделом писем Веру Гавриловну Кузовлеву, заместителя редактора Михаила Елисеевича Трофименко и, конечно же, редактора Василия Павловича Репина.

В районке наряду с традиционными материалами в ежемесячно выходившей «Литературной странице» и в отдельности публиковались и проза, и стихи как сотрудников, так и читателей. О моей былой причастности к стихотворству знали все, и хотя я постоянно твердил, что этим больше не грешу, время от времени пытались вернуть меня на поэтическую стезю. Я стойко сопротивлялся, но однажды всётаки дал слабину.

Год завершался, приближалась юбилейная дата — стопятидесятилетие со дня восстания декабристов на Сенатской площади. Ответсекретарь сказал, что хорошо было бы сопроводить тассовский материал нашим стихотворением. Из сочинителей на его пламенный призыв откликнулся только я, вспомнив, что

в черновиках у меня есть какие-то наброски на эту тему. Стихотворение написалось легко, было с машинки сдано в секретариат, после чего проследовало в последнюю инстанцию — на чтение и резолюцию к редактору. Последовавший затем телефонный вызов к нему можно было истолковать однозначно: что-то не так...

Василий Павлович, за внешней суровостью и педантичностью скрывавший то, что обычно характеризуется ёмким словосочетанием «нормальный мужик», каковым он и представал в редкие моменты внеслужебного общения, был хмур. Перед ним лежал мой опус. Без визы.

— Стих неплохой, но какой-то для такого юбилея слишком заупокойный. Поминальник да и только. И ни слова о том, за что они свою жизнь отдали. Вот что надо еще было отразить...

Я робко возразил, что об этом все знают ещё со школьных уроков истории.

- Ну и что? Лишним не будет. Надо дополнить!..

Я забрал свой злосчастный вирш. До сдачи номера в печать оставалось ещё двое суток, однако «дополнить» написанное так и не удалось, стихотворение решительно отторгало, как нечто инородное, все, что я пытался в него втиснуть. А написать новое я тоже не смог, нахлынули свои аграрные дела, начался совместный рейд редакции газеты и комитета народного контроля по проверке хода зимовки скота в совхозах и колхозах района...

При подготовке этого сборника я тоже попытался «шлифануть» неподатливое стихотворение. И снова не преуспел...

Бог умер... Фридрих Ницие

Если долго всматриваешься в бездну, помни, что бездна тоже всматривается в тебя.

Он же

...Пресеклась твоя стезя. Убедился, друг любезный, Что играть в гляделки с бездной Безнаказанно нельзя? Пялить зенки бесполезно, И смешон надменный вид, Так как загодя известно, Кто кого переглядит. Глупо всматриваться в омут, Чья безмерна глубина. Это в нём издревле тонут Времена и племена. Ты буравил дерзким оком Сей пучины гиблый мрак, Богоборцем и пророком Возомнил себя, дурак...

Вот за это и наказан, Тьма окутала твой разум, Горек твой больничный хлеб. Из психушки нет возврата, Как проклятье, Как расплата, Эта скорбная палата, Так похожая на склеп... Эпигонов будет много. Все блудливые умы, Борзописцы, болтуны, Любомудры и волхвы, Как и ты, хоронят Бога. ...Бог – бессмертен, Смертны – вы. Тем, кто метит в демиурги, Уяснить сие пора. ...А теперь сыграем в жмурки, Тоже славная игра...

АЛЫЙ БАНТ

Татьяне Макаровой, превратившей эти стихи в песню

Как входила в Красново банда, Хоронился народ — кто куда. Не хватило девчонке банта Кумачового. Не бела! Комячейка палит с колокольни: За Советы — во веки веков! И несут одуревшие кони Окровавленных седоков. Не тоскуйте, лесные тропы, По веселым ее ногам. У нее в подоле патроны, В загорелой руке — наган. Не зови ты, рожок пастуший, В солнцем залитый березняк... Обвисают бандитские туши, Как мучные мешки, на плетнях. Медоносны луга в июле И росисты цветы — только тронь... Но все гуще ложатся пули, Все прицельной идёт огонь. Пошатнулась... Под сердцем взмокло... Рана — огненные края. Легкой смерти тебе, Комсомолка, Журавлиха, кувшинка моя! Летний ветер, Тёплый и пряный, Прикасался к поблекшим губам. На груди пламенела рана, Трепетала, как алый бант.

КОМИССАР

А я стою один меж них В ревущем пламени и дыме И всеми силами своими Молюсь за тех и за других...

Максимилиан Волошин

Я ещё не вернулся с гражданской войны, Нет пока мне дороги К родному порогу. Наши счёты ещё не совсем сведены, Задолжали друг другу помногу... Сладки сны о свободе, А кровь солона. Я своей и чужою не раз умывался, И без удержу льётся и льётся она, Хлещет кровушка – наша и ваша. Боль несметных потерь Нестерпимо остра. Нам уняться пора, окаянным. Но мы вновь в рукопашном сойдемся с утра, А пока я пытаюсь уснуть у костра Под своим заскорузлым кожаном. Завтра многим

Лихие степные ветра

Пропоют поминальную песню.

Я рванусь из окопа

С истошным «ура»

И погибну,

И снова воскресну...

Ищет смерть и повсюду находит меня,

Где бы ни был я,

Конным иль пешим.

Подо мною не раз убивали коня,

Сам я трижды расстрелян и дважды повешен.

Не внимая мольбам

И не веря слезам,

Ни сомнений не зная, ни страхов,

Я то полз,

То шагал,

То в атаку бежал,

То с тачанки по суткам порой не слезал

И прицельным огнём вражьи цепи срезал...

...То во рвах истлевал,

То подолгу лежал

В штабелях у тифозных бараков...

И хотя я сражён во вчерашнем бою,

Я из праха опять ванькой-встанькой встаю

Под прошитое пулями знамя...

А какой нынче день?

И какой нынче год?

Стерлась грань между явью и снами...

Мне – отмщенье!..

И вот

Я пускаю в расход

Всех, кто против,

И тех, кто не с нами...

Наши шансы равны.

И курки взведены.

И багровое небо над Русью...

Я ещё не вернулся с гражданской войны,

И уже никогда

Не вернусь я...

на чужбине

...И вновь, Сотворивши молитву Лишь солнце забрезжит в окне, Он правит трофейную бритву На старом солдатском ремне. Уже превратившийся в старца, Давно он с отчизной расстался И всё, что имел, потерял. От жизни той бывшей остался Лишь утренний сей ритуал. Сдирает щетину упорно, Алеет порезом щека. И вновь На мгновенье У горла Замеллит Движенье Рука...

* * *

... Ведь лежать мне в сосновом гробу. Осип Мандельштам

Ишь, о чём размечтался, чудак... Тем утешься, что срок, а не вышка. А насчёт домовины всё будет не так, Как тобой намечалось Ошибочка вышла... На бескрайних просторах Великой страны, Где безбрежны лесные массивы, Не нашлось для тебя ни сосны, Ни берёзы, Ни лаже осины. Ставший лагерной пылью, Сподобишься участи той, Когда запросто бренное тело без гроба И без прочих излишеств На вечный постой Принимает земная утроба. Среди чуждой толпы Фраеров и воров

Ты расстанешься с жизнью В разгар беззаконья. Вместо царства теней -Взрывом вырытый ров. Не летейские волы. А мёрзлые комья. И отринув тенёта мирской маяты, И помеченный биркой фанерной – Посмертной наградой, Ты в чём мать родила Ляжешь рядом, Рядом с теми, Кто так же, как ты, Обделён Деревянным Бушлатом...

ЛЕСНИЧИХА

...До села четыре километра. Я живу у клюквенных болот. И совсем ссутулилась от ветра, Подурнела от сплошных забот. Не к добру перевернулись сани Год назад, У Марьина пруда. С красным ртом и синими глазами Я невестой ехала сюда. Поначалу – песни, вышиванье, Асиюня (муж ушёл на фронт) Не житьё пошло, а выживанье... Красные глаза и синий рот. И не знаю я, кому страшнее, Кто из нас удачливей в судьбе: Суженый под пулями в траншее Или я в застуженной избе. От порывов ветра в окнах стёкла, Словно от бомбёжки, дребезжат.

И корова от хворобы сдохла, И мычит некормленная тёлка, И охота со двора бежать. Тяжко мне. Но сена не посмела Воровать в колхозе. И реву, И серпом срезаю из-под снега Обоюдоострую траву...

ПОСВЯЩЕНИЯ

ЛАЗАРЧУК-КАЗАНЦЕВОЙ ГАЛИНЕ ПЕТРОВНЕ

(В ДЕНЬ ЗОЛОТОЙ СВАДЬБЫ)

Я храню в душе твой облик милый И тебя лишь об одном молю, Чтобы ты всегда меня любила Точно так, как я тебя люблю.

КУЙБЫШЕВСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ № 1,

а ныне гимназии №1 имени Александры Лукиничны Кузнецовой, её педагогам и учащимся всех времён и поколений посвящается

> Это старенькое зданье, Словно центр мирозданья. И опять воспоминанья, Как слеза, туманят взгляд. И вплывают в память снова Звуки бала выпускного... Это было много лет назал. Ты ведь помнишь, альма-матер, Нас, горластых и лохматых? Разметала нас судьба во все концы. Ты растила нас с любовью, Но покинули гнездовье, Встали на крыло твои птенцы. Жизнь – комедия и драма. Ты для нас подобье храма. Возвращаюсь на круги своя: Это кров второго дома, Где всё близко, всё знакомо, Это школа первая моя.

Были вузы, Были музы, Были брачные союзы, Но такая ты у нас одна. Молодые годы, где вы? Где вы, юноши и девы? Где вы, золотые времена? Дорогие педагоги, Были вы добры и строги... Боже правый, как нам повезло! Хоть и стали мы иными. Но храним в душе и ныне Ваше неизбывное тепло. Как вас вновь увидеть рад я, Братья-сестры, сестры-братья! Как вас всех хочу обнять я И сказать заветные слова: «Пусть года горят, как порох, Ты по-прежнему мне дорог, Я люблю тебя, десятый «А». Жизнь прекрасна и жестока, Многие ушли до срока, Навсегда покинув белый свет. Скорбью мы сердца наполним И, подняв бокалы, вспомним Тех, кого сегодня с нами нет. Хоть наш век еще не прожит, Что ж, и мы не вечны тоже.

Но, о нашей юности грустя, Будем живы – улыбнемся, И опять сюда вернемся Через пять иль десять лет спустя.

C низким поклоном — выпускник 1966 года (10 «А» класс)

Школьные годы — самые памятные. А наш класс, 10»А», я и сейчас считаю самым лучшим. И главный критерий для меня — не рекордное количество золотых и серебряных медалей и поступивших сразу после окончания школы в вузы при высочайших конкурсах (в год двойного выпуска и одиннадцатых, и десятых классов), а дружба большинства из нас, дружба, которой мы были верны с начальных классов до последнего звонка и которая, пережив все передряги безумной эпохи, продолжает согревать наши души и полвека спустя. Не скрою: случались меж нами и мелкие обиды, и пустяшные ссоры, у мальчишек дело доходило иногда и до рукопашной, но всё это быстро забывалось, порастало быльём, все эти отроческие недуги излечивало наше нерушимое школьное братство.

И я решил использовать предоставившуюся мне редкую и прекрасную возможность, здесь, на одной из страниц сборника, рядом с посвящёнными им стихами собрать вместе моих дорогих одноклассников и одноклассниц. Одним-единственным доступным мне теперь способом — назвать всех-всех и каждого по-имённо...

Саша Докучаев, Володя Плетнёв, Саша Плотников, Саша Андреев, Миша Боровков, Коля Дергачёв, Валера Петров, Юра Ракитин, Саша Шичко, Володя Ерахнович, Лёня Дегтярёв, Коля Филичкин, Витя Кольяков, Володя Некрасов, Лёня Тимченко, Коля Снегирёв, Володя Нагибин, Саша Пуртов, Саша Ерахнович, Яша Гергаузер, Толя Бахрачёв, Галя Коваленко, Оля Меджевская, Валя Рыбакова, Зина Белозерцева, Юля Валаханович, Наташа Гальберштам, Галя Тамбовцева, Таня Решетникова, Галя Савинкина, Света Клепицына, Галя Боженюк, Люда Гутова, Люда Васильева, Люба Кубракова, Валя Нотова, Катя Кутько.

И здесь же с сыновней и дочерней благодарностью давайте, друзья мои, вспомним тех, кто дарил нам тепло своих сердец, кто щедро делился с нами своими глубокими знаниями и жизненным опытом, наших педагогов — тоже самых лучших на свете.

Это Александра Лукинична Кузнецова, Лилия Фёдоровна Ваштаева, Тамара Яковлевна Яковлева, Владимир Петрович Докучаев, Антонина Александровна Александрова, Лидия Ивановна Томзикова, Геннадий Иванович Внуков, Тамара Николаевна Внукова, Сергей Иванович Калентьев, Фёдор Лукич Беляев, Андрей Николаевич (Наумович) Иоффе, Александр Леонтьевич Нагибин, Валентина Васильевна Филипьева, Зинаида Александровна Фёдорова-Капустинская, Николай Васильевич Толчин, Анатолий Андреевич Иванов и Антон Михайлович Рыхальский.

И для моей скромной книжицы присутствие в ней всех вышеназванных имён – великая честь.

ОДНОКЛАССНИКАМ

Место встречи изменить нельзя... Грусть мою не выразить словами. До чего ж тоскливо мне, друзья, Оттого что не увижусь с вами. Так уж получилось. Се пя ви Пожурите, но не будьте строги. Подтвержденьем искренней любви Пусть сегодня станут эти строки. Душу греет светлая печаль, Для меня все дорого и свято. Ах, как жаль, Ах, как безмерно жаль, Той поры, ушедшей без возврата. Хочется опять перелистать Нашей школьной юности страницы И в который раз перечитать Все, что в файлах памяти хранится. Будь же счастлив, мой родимый класс, В этот век глобальных потрясений... Обнимаю каждого из вас, Всех вас нежно любящий Евгений

Февраль 2016

ЗЕМЛЯКАМ

Каинск-Куйбышев — звучит все так же гордо, Вопреки недобрым временам. Поздравляю с днём рожденья города, Он мне дорог так же, как и вам. Вы его трудом и песней славили, Чтобы жизнь была и лучше, и светлей. Счастья вам! Желаю в добром здравии Встретить трехсотлетний юбилей.

ПЕНСИОНЕРАМ-ЮБИЛЯРАМ

Любой юбилей – это грустная дата, Но сразу уныние сходит на нет, Когда вспоминаешь, что было когда-то Тебе восемнадцать и менее лет.

ВОРОБЧУК ЛИДИИ НИКОЛАЕВНЕ

* * *

Тринадцать – несчастливое число?... Как бы не так, Позвольте усомниться. А может быть, кому-то повезло, Чтоб суеверью старому назло Не в день иной, а в этот день родиться? Здесь действует совсем другой закон. Его основы и просты, и святы: Свою судьбу (я в этом убежден) Определяют люди, а не даты. Пускай бывает трудно иногда, Пускай порой взгрустнётся и всплакнётся, Но над ненастьем всех житейских гроз Не меркнет путеводная звезда. Я Вам задам всего один вопрос: «Вы счастливы?» Я жду ответа... «Да!»

13.01.2003

* * *

Ещё один заснеженный январь, Леса и долы снова замело. Сронив листок, Привычно календарь Откроет «несчастливое» число. Пусть прочь летит Приметы давней тень, С Днём Ангела поздравить Вас пора. Мы в Вашу честь объявим этот день Днём радости, Веселья И добра. Не верим старым суеверьям мы, Примета эта вовсе не верна. И пусть сегодня В самый пик зимы В душе и в доме царствует Весна.

13.01.2008

ГАРАШУКУ НИКОЛАЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ

* * *

Три четверти века уже за плечами... Хоть время вперёд безвозвратно летит, Все это не повод для грусти-печали, Ведь все, что нам дорого, память хранит. Вновь синью озёрной, Раздольем зелёным Пред мысленным взором встает Бараба. Хотя и была не всегда благосклонна, А даже порою сурова судьба, Но вспомнится снова родная сторонка, И вязкая слякоть осенних дорог, И то, как пришла на отца похоронка, И детства военного скудный паек, И снова привидится хлебное поле, И сизый дымок над печною трубой, — Все, что так знакомо и близко до боли, Все то, что навеки осталось с тобой. О малая родина! Связаны с нею Мы плотью своей и душою своей, И все, что случается в жизни позднее,

Корнями своими теряется в ней. Земляк дорогой, Юбиляр наш родимый, Мы дружбой твоей дорожим неспроста, Нам, младшим по возрасту, необходимы И мудрость твоя, и твоя доброта. Родные селенья покинув когда-то, Но верность отцовской глубинке храня, Мы любим тебя, словно старшего брата, И мы по высокому счету — родня. И мы поднимаем заздравную чашу (Привычное дело — не дрогнет рука!) За милую малую родину нашу, За нашего друга и земляка.

18.12.2004

* * *

Этот день для грусти не годится!.. И как все, я Вас поздравить рад С тем, что посчастливилось родиться Восемьдесят лет тому назад. О себе Вы рассказали сами. Стиль повествованья скуп и строг.

В Вашем кратком жизнеописаньи Многое осталось между строк. Поглядишь: иные «мемуары» За полгода не перелистать. Ничего, что вы сказали мало – Вы сумели главное сказать. Знаю я: Вам чуждо суесловье, Стойкий патриот родной страны, Потому всеобщею любовью Вы давно уже окружены. В этом мире, Где хватает злобы И до совершенства далеко, Человеком самой высшей пробы Быть, конечно, очень нелегко. Мы как друга Вас безмерно ценим, Вы как друг нам позарез нужны, Оттого глубоким уваженьем Вы давным-давно окружены. Пусть судьба отгонит все невзгоды И недуги снимет как рукой. Господи! Какие наши годы,

Николай Григорьич дорогой!..

18.12.2009

ДОКУЧАЕВУ АЛЕКСАНДРУ ВЛАДИМИРОВИЧУ

* * *

Сане – самому старому и самому верному другу с любовью и грустью

Вот и на подходе Наши дни осенние, Наши дни осенние – век бы их не знать. Лишь в одном спасение, Лишь в одном спасение – Нашу юность чаще вспоминать. От судьбы и времени Никуда не деться, На дворе эпоха – Чем дальше, тем страшней*. Оттого охотно так Мы впадаем в детство, Чтоб хоть на мгновение позабыть о ней От родной провинции мы не отрекались, Всё, что пережито, Не вместить в стихи.

^{*} Вариант: тем смешней

Остаюсь твоим я блудным сыном, Каинск, Каюсь, искуплю свои грехи. Я опять приехал грустным и усталым (Может, на исходе своего пути), Чтоб по деревянным старым тротуарам С другом хоть разок ещё пройти. Я сентябрьский, Он рождён в апреле, И разрыв меж нами небольшой, Мы и в самом деле Малость постарели, Но как прежде молоды душой. Как всё ни прискорбно – Мы бессильны, Санечка: Грубая реальность прёт на нас, как танк, Как к нему ни тянешься – В прошлом не останешься, А придётся, Санечка, возвращаться в банк. Мы сегодня выпьем каинской микстуры. Я, признаться честно, от неё отвык. Не гляди так хмуро, Дорогой мой Шура, С днем рожденья! Будь здоров, старик!

16.04.2004

Пришла пора. И с нашим поколеньем Стареем понемногу ты и я, Всё чаще предаваясь размышленьям О бренности земного бытия. Как беспощадна матушка-природа! Всё чаще хворь одолевает нас, Наш внешний облик тоже год от года Уже не радует, а отвращает глаз. Нет места прежним играм и проказам, Бредем по жизни хмуро, не спеша... Давно смирился с увяданьем разум, Но протестует яростно душа. Она следит с особым беспокойством За нашею телесною бедой, Она налелена волшебным свойством – Бессмертной быть и вечно молодой. Скажу как есть. Надеюсь не в обиду, Что мы в конце концов понять должны: С тобой мы патриархи только с виду, Ну а в душе всё те же пацаны...

16.04.2014

... И снова нам природа улыбнулась, Пришла семидесятая весна ... И мне все чаше снится наша юность. Все чаше вспоминается она. В час пробужденья, Предрассветный, Ранний. Сбегу от наступающего дня Знакомою тропой воспоминаний, Что вновь уводит в прошлое меня. Мне в этот путь не нужно провожатых. Есть у меня портал свой временной. И Каинск образца шестидесятых, Как Китеж-град, возникнет предо мной. Здесь всё озарено особым светом, Исполнено добра и красоты. И здесь ты можешь и не быть поэтом, Но куйбышевцем быть обязан ты. Как я люблю тот старый милый город, И тополя, и улицы его. И те, кто в нем особенно мне дорог, Ешё все живы. Все до одного. А время снова движется по кругу,

Все, что случится, знаю наперед. И я опять иду-шагаю к другу, Что на соседней улице живет. И мы с ним снова приключений ищем И что-то непременно сотворим. Ты что опять придумал там, дружище, С неугомонным норовом твоим? Ты в этом деле несомненный гений, Что нам с тобой до истин прописных. Ты главный автор наших похождений, Речных, озерных, полевых, лесных. И хочется в пределах этой оды Кое-какие вспомнить эпизоды...

* * *

...Прогноз пророчит скверную погоду, Но пламенный азарт горит в груди. Садимся в «газик», мчимся на охоту, И наш девиз: « Ну, заяц, погоди!» Сюжет вполне приемлемый для басен, А сам финал комичен и ужасен... Распутица, дорожные кошмары, Кроссовер наш увяз в снегу по фары, На пробуксовке всю «горючку» сжег, Плюс у него заклинило движок.

Осложнена развязка этой драмы Присутствием одной прекрасной дамы. Ночлег в стогу. Кричит в деревне кочет. Рассвет встает. Все ярче синева. Душа от холодрыги чуть жива. И слышно, как заливисто хохочет Над нами в колке заячья братва...

...Под шелест камыша, под крики чаек По-матерински ласкова, нежна, С тобою, как младенцев, нас качает Лазурная озерная волна. Глаза от бликов солнечных не прячем, А только знай, без устали рыбачим — Подъязок за подъязком — дотемна. Ну а теперь давай садок подтянем И гордо на улов обильный глянем. А где же рыба? Нету ни хрена. Ушла обратно в озеро она. И почему б ей, дуре, не удрать, Коли садок забыли завязать?...

Дни, недели, месяцы и годы... Всё, как говорится, к одному. Оставаться юным – этой льготы Не дано на свете никому. Поздний возраст: благо иль несчастье? Как вы беспощадны, зеркала!... Так давай же будем утешаться Тем, что юность все-таки была. Нам резона нет впадать в унынье, Хоть и отмотали срок большой. Все-таки с тобою и поныне Мы, как прежде, молоды душой. Потому позволь без суесловья Эту чару хлебного вина Опрокинуть за твое здоровье И за нашу дружбу, старина!

16 04 2019

ДОКУЧАЕВУ ПЕТРУ ВЛАДИМИРОВИЧУ

* * *

Мы искренне любим Петра... Твой образ мы в сердце лелеем. И вот наступила пора Поздравить тебя с юбилеем. Мы вместе по жизни идём Крутым и изменчивым миром. Ты был профсоюзным вождём, А стал, ёлки-палки, банкиром. Достиг ты солидных высот. «Полтинник» – серьёзная веха. Пускай тебе так же везёт И все остальные полвека Будь счастлив, наш друг дорогой, В расцвете и сил, и таланта. Пусть «бабки» широкой рекой Текут в закрома «Ланта-банка». О прошлых годах не жалей, Быть грустным сегодня нельзя, Добиться ты многого смог. Слова «юбилей» и «налей» Рифмуются, Петя, не зря. Наверно, ты понял намёк?..

Твои земляки и друзья 29.04.2004

Возраст не прибавить, не убавить... Уважая, искренне любя, Мы горим желанием поздравить С совершеннолетием тебя. Больше полувека за плечами, И пошел седьмой десяток лет. Радости особой в этом нет, Но и нет причины для печали. Нет причины, чтоб впадать в унынье. Очень много плюсов. Например, Надо осознать, что ты отныне Без пяти минут пенсионер. Это ж благодать: живи и здравствуй, Весело гляди на белый свет! Ты за счет родного государства Хорошо пополнишь свой бюджет. А возможность льготного проезда?

Вот представь: Лишь ты в трамвай войдешь, И тебе как ветерану место Дружно уступает молодежь. Будь, дружище, и здоров, и счастлив, И удачлив. Нас не забывай. Да хранит тебя от всех напастей Славный чудотворец Николай!

ЛЕНКОВУ АВГУСТИНУ (АЛЕКСАНДРУ) ИВАНОВИЧУ

Под дождями июльскими в поле В рост идут молодые хлеба. Бараба – это воля и доля, Бараба – это наша судьба. В прошлом, помнится, всякое было, Шли по жизни, грустя и смеясь. Только с малою родиной милой Всё равно не утратили связь. С той поры, как простились мы с нею, Как казалось, уже навсегда, С каждым годом она все роднее, Всё сильнее нас тянет туда. Потому что не можем иначе, Как пред ней на колени упасть. Это часть биографии нашей, Может, самая лучшая часть. И ни с чем не сравнимы мгновенья Этих кратких поездок «домой», К пепелищам родимых селений

Над «великой» рекою Камой. На душе сразу станет светлее, И сегодня, видать, неспроста Нам на память, в связи с юбилеем, Вновь приходят родные места. Мы гордимся своим юбиляром. Небеса к тебе были щедры. Ты, конечно, родился недаром В лучшем месяце летней поры. Оттого-то, наверное, кстати, Ты красивый такой и большой. Одарила природа и статью, И умом, и широкой душой. Семь десятков – солидная веха, Но стареть не настала пора. Для такого, как ты, человека Очень мало обычного века. Мы желаем прожить полтора. А родные околки и нивы Мы с тобою не раз навестим. Будь здоровым, любимым, счастливым, Дорогой Александр-Августин

16.07.2004

ВЛАДИМИРУ ФЕДОРОВИЧУ ХРИТАНКОВУ

Вы на пятилетку повзрослели... Пламенный привет от земляков, Мы Вас поздравляем с юбилеем. Дорогой товарищ Хританков! Комплименты рассыпать не будем, Хоть достоинств столько, что не счесть. Ваше кредо: быть полезным людям, И за это Вам хвала и честь. Вы нашли свое под солнцем место, Хоть дорога трудною была. И не только в области известны Ваши благородные дела. Есть работа сложная, большая, И с душою вечно молодой Год за годом треть земного шара Вы живою поите волой. Санаторий возрожден на диво, Бьют из недр целебные ключи. Что нам те Канары и Мальдивы, Если есть Чаны и Карачи.

А секрет успехов Ваших – вот он: Жизнью всею связанные с ней, Вы остались стойким патриотом Славной малой родины своей. Как и все, Вы – гражданин России, Но по воле сердца и судьбы Черпаете помыслы и силы В недрах и просторах Барабы. Где родился, там и пригодился – Не присловье, а святой закон... Ну а мы, районщики, гордимся Нашим земляком и вожаком

27.10.2015

ХУСТОЧКО АЛЕКСЕЮ АНДРЕЕВИЧУ

Память малой родины священна, Сколько бы не прожито годов... Далека дорога от Крещенки До огромных шумных городов. Вами путь большой и славный пройден, Счастливо начертанный судьбой, С детского рисунка до полотен, Что сейчас мы видим пред собой. Выставки. Музеи, Вернисажи – Вот и сбылись давние мечты. Солнцем напоенные пейзажи – Праздник жизни. Праздник красоты. Творчество – талант и труд упорный, Чуждый и тщеты, и суеты... И опять под кистью чудотворной

Расцветают серые холсты...
Вечно то,
Что сделано с любовью.
Быть творцом – вот высшее из благ.
Долголетья,
Счастья
И здоровья,
Дорогой наш юбиляр-земляк!

ДВУМ СЕРГЕЯМ АЛЕКСАНДРОВИЧАМ — ЕСЕНИНУ И ТРАХИМЁНКУ

Писателей я знаю очень многих,
Знаком с их разношёрстною гурьбой.
Но дороги особо два Серёги —
Они двойные тёзки меж собой.
От их творений в дрожь меня бросает:
Есть пища для души и головы...
Один — поэт,
Другой, увы, прозаик.
Один — кудряв,
Другой — увы, увы...

ЖИЗНЬ ТВОЯ – КИНЕМАТОГРАФ...

Багину Василию Петровичу

Как душа ни рвется ввысь, Но в большом и малом Ты сравнима, наша жизнь, С телесериалом. Вот он весь, наш путь земной, Весь, и что ни делай: Временами фильм – цветной, Чаще – черно-белый. Съемки начаты давно. Что же будет с нами? К сожаленью, не дано Заглянуть в сценарий. Сколько всё же в нём страниц? Краткий или длинный? Сколько действующих лиц И сюжетных линий?

Остается соблюдать Жёсткие порядки, Ни на миг не покидать Съемочной площадки. Мы бесправны, как рабы, Старше иль моложе. Быть актёром у судьбы Не легко, но всё же, Дорогой ты наш Василий, Веселей гляди! Шестьдесят отснято серий, Сорок – впереди...

МОНОЛОГ ТАЙНОГО ЗАВИСТНИКА, пожедавшего стать явным

Большую зависть ощутив,

Моисееву Владимиру Владимировичу, при назначении его главным архивариусом области

Прочёл постановленье: «Сдать Моисеева в архив На вечное храненье!...» Так руководством решено, И спорить с ним не будем. Что я могу сказать? Одно: Везёт же людям! В архиве – тишь и благодать, Там всё в пределах нормы, А нам опять осуществлять Проклятые реформы, Опять с тоскою трубку брать, На вопль: «Гони монету!»

Или затравленно молчать, Или привычно отвечать: «В бюджете денег нету...» В архиве весело всегда, Там женщин очень много, Там рай земной, но нам туда Заказана дорога. Там манускриптов древних тьма, Там нету нервной тряски, Там диссертация сама Напишется, как в сказке. Не тратя попусту слова, Я утверждаю снова: «Архив и счастье -Это лва Синонимичных слова.»

12.02.1998

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

(ШУТЕЙНОЕ)

П. В. Докучаеву

Знаю, Петя, ты снова нас будешь корить, Что тебя мы с твоим старшим братом Научили и пить, и курить, Разговаривать матом. Ты считаешь, что мы развращали тебя... Нет, готовили к будущей жизни. Мы тебя просвещали, любя, Чтоб служил ты достойно Отчизне. Ты на нас обижаешься зря: Мы тебе только блага хотели. Ведь без навыков этих сегодня нельзя Даже в банковском деле. Ты по службе обязан общительным быть, А иначе – забудь об удаче. С этим – выпить, а с тем – покурить, А кого-то послать...

И подальше.
Мы ни в чём неповинны.
Да что говорить,
Ведь порой без табачного зелья
Наше времечко так нам даёт прикурить,
Что без водки башка как с похмелья.
То, что ты почерпнул, не узнал бы из книг.
Но совет: увлекайся не слишком...
И гордимся мы с Шурой, что наш ученик
Оказался способным парнишкой!

СВОБОДЕН!

Проценко Владимиру Афанасьевичу

Если вам сказали вдруг: «Свободен!», Это значит – кончена игра. Что поделать, дорогой Володя, Наступила и твоя пора. Ты отныне навсегда свободен, Это же не жизнь, а сущий рай. На Чанах, в лесу ли, в огороде – Где захочешь, там и загорай. Ни забот и ни тревог напрасных Нет теперь. Режим совсем иной. Это же не жизнь, а вечный праздник, А точнее – вечный выходной. Можно водку пить и петь романсы.

Нет проблем и заморочек нет. Что тебе балансы и финансы? Что тебе офсет и комитет? Если хочешь – сядь за мемуары, Опиши свои труды и дни. Заскучаешь – съезди на Канары, По пути в Кыштовку загляни. Жизнь теперь вошла в другое русло, Как и предначертано судьбой. Все о-кей! Но отчего же грустно, Отчего так грустно нам с тобой? Мчатся вдаль неудержимо годы, И на нас нисходит благодать В виде исключительной свободы, В виде окончательной свободы... Век бы той своболы не вилать!...

ЗОЯ ЛАЗАРЧУК

******

СВЕТЛЫЕ МИНУТЫ

«ПРИРОДА ТВОРЧЕСКОГО СЛОВА...»

Что такое поэзия или поэтическое творчество? Наверное, я и сейчас не отвечу на этот вопрос. «Мысль изречённая есть ложь» — это утверждение я давно приняла как нечто неоспоримое, не подвергаемое сомнению. Особенное напряжение возникает тогда, когда речь идёт именно о поэтическом слове, когда ищешь его в течение нескольких недель, месяцев, лет, а иногда и десятилетий. Этот поиск длится до тех пор, пока не скажешь: «Вот оно...». Никогда не искала в поэзии истины, но всегда воспринимала как основу духовного роста человека, поэтому точность и ясность — главные критерии в оценке создаваемого текста.

И тем не менее: «В споре рождается истина», так или иначе, в слове. Погружение в природу творческого слова (для меня в частности, родную русскую литературу) — безграничное счастье. Каким бы ни было содержание текста, природа творческого слова всегда светла, она даёт силы для духовного роста и всегда восполняет чувством

гармонии в радости, в иронии, в сопереживании. И я благодарна судьбе тем, что прикоснулась к этой природе...

Первое поэтическое чувство пришло со стихотворением Афанасия Фета:

Чудная картина, Как ты мне родна: Белая равнина, Полная луна, Свет небес высоких, И блестящий снег, И саней далеких Одинокий бег.

Училась я тогда в первом или во втором классе. Стихов наизусть учили много. Однако именно с этим стихотворением пришло чувство музыкальной и художественной завершённости текста, малого по объёму и беспредельного по звучанию и содержанию. Его можно перечитывать как молитву, каждый раз соприкасаясь с необъяснимой очищающей силой. Наверное, в любой поэзии, словесной и бессловесной, это главное...

В двенадцать лет почувствовала сильное притяжение к поэзии Лермонтова, с его острым и, в какой-то степени, созвучным одиночеством. Увлечение Лермонтовым и дало первый импульс к созданию стихотворного текста. Сложить слова

в рифму и ритм тогда казалось чем-то необыкновенным, сродни волшебству. Чувства, переполняемые лермонтовской поэзией, выдали три или четыре четверостишия, которых я не сохранила и не помню. Потом увлечение поэзией стало основным. Стихов читала много, однако свои тексты не складывались.

И вот однажды нужно было срочно выпустить стенгазету на осеннюю тему, мы опоздали на несколько минут в библиотеку, пришлось складывать слова в рифму:

Седина осеннего утра. Легкий шелест продрогшей листвы. Увядающий взгляд незабудки. Необъятный простор синевы...

«Увядающий взгляд незабудки» при вдумчивом прочтении из осеннего стихотворения исчез, а чувство сострадания к продрогшей листве осталось. С тех пор я стала чаще стремиться выражать свои мысли и чувства в рифме и ритме, постепенно преодолевая ритмический разнобой в тексте. Со временем пришло чувство гармоничного слога.

В том же возрасте впервые услышала песни Владимира Высоцкого, слушала не только записи песен, но и его монологи, беседы со зрителем, интервью. Речь поэта-актера обладала такой маг-

нетической искренностью, афористичностью, тем непревзойдённым эмоциональным воздействием, что все попадавшиеся мне тексты, тогда они только начинали появляться в открытом доступе, я переписывала, проводя много времени в читальном зале куйбышевской библиотеки.

Очень хотелось в то время выразить в слове всё, что открывалось и переживалось под воздействием стихов и песен Владимира Высоцкого, однако только лишь через двадцать восемь лет получилось написать два стихотворения, посвящённых поэту. Необыкновенная энергия такой разносторонней творческой личности, как Владимир Высоцкий, выводила на тот уровень, когда потрясение сильнее мысли, когда ты длительное время не можешь говорить, находясь под впечатлением от пережитого чувства. Так возникло притяжение к той доверительной атмосфере, которую создаёт авторская песня.

Природа творческого слова — очень плодотворная тема и далеко не изведанная, однако стоит ли её прояснять до конца, пусть в ней как можно больше остается тайн и противоречий, поскольку именно они питают живую мысль.

Пишу, потому что интересно мыслить в ритмах и образах, чаще всего сначала приходят строки,

из которых впоследствии и прорастают тексты, и смысл проявляется тогда, когда текст завершён. Причастность свою к литературе осознаю всётаки больше как читатель, а не как профессиональный литератор. Рада поделиться тем, что мне открылось в работе со словом.

3. Л.

Беззвучный мотив тишине адресуя, Дай имя тому, что развеяно всуе, Что призраком робким по кромке скользит, Что тёплой надеждой в мгновеньях сквозит, Что веру хранит от слепых искушений, Что служит опорой надёжных решений, Тому, что ответит за честность пера, Тому, что не в силах разрознить ветра, Тому, что выводит из тьмы на дорогу, Тому, что отпустит немую тревогу.

Развеется мгла над словами твоими. Дай имя, просто дай имя. Седина осеннего утра, Лёгкий шелест продрогшей листвы, И затерян, в тумане как будто, Купол кроткой родной синевы.

В сердце такое затишье, Как перед поздней грозой... Ветер играет застывшей, Полупрозрачной росой.

Час в просветленной аллее Со службою утренней схож, С часом затвора... Деревья Шепчут молитву под дождь.

Страшно ступить на травинку, Словно дано ей дышать, Словно искристой росинкой Вечная светит душа.

Тихо, пустынно за городом. Память летит к облакам... Кто подбирает аккорды К нашим незрячим шагам?.. * * *

У чистых вод надёжный кров, Их волны бережно хранимы, Намечен розою ветров Их путь земной, необратимый.

Душа здесь ищет утешенья Вдали от суетных забот, И ровным звуком Всепрощенья Звучат глубины тихих вод.

Нет ни сомнения, ни страха, Смирён мятеж житейских драм... В волнах звучат хоралы Баха, В душе – созвучье стройных гамм.

Прохладной свежестью дыша, Сливаясь с таинством природным, Здесь наполняется душа Живым звучаньем полноводным. Незримый нежный тонкий свет В тот вечер небо излучало, Был воздух нежностью согрет. Негромко музыка звучала.

Свой шлейф раскинула весна Дурманящей хмельною дымкой. Летела синяя звезда — Беспечный ангел-невидимка.

Закат горел, а голос вод Звучал спокойнее и глуше, Безоблачный небесный свод Венчал разрозненные души.

Венчал дороги и мосты Беспечный маг — весенний вечер, А за рекой бледнел пустырь Туманным берегом не-встречи.

Светает... Что там впереди? Лучи над вещею водою. А где-то вечер тот летит Весенней сказочной звездою.

Незримый нежный тонкий свет Когда-то небо излучало...

Пусть молчание это тебя не пугает: Нет ни боли в нем, ни темноты. Светлой грусти волна набегает, Тает щит ледяной немоты.

У свечи не запятнаны слёзы: Плачет нежностью кроткий огонь, Чтобы где-то в пространстве межзвёздном Протянулась к ладони ладонь.

Всё теплей и надежней врастая, В сердце памятью сотканных лет, Нежность этой свечи не растает, Не погаснет доверчивый свет.

День ещё один памятью прожит — Время ясным лучам доверять. Пусть молчание больше тоской не тревожит, А доверчивым светом согреет тебя.

СЕДОЙ НОКТЮРН

1. ВЕСЕННЯЯ МЕТЕЛЬ

А снег летел,

прощальный,

нежный,

кроткий...

Как будто бы немного

запоздал...

Посёлок Северный,

«Сибирь»,

Кропоткина,

Октябрьская

и Речной вокзал.

Полгорода

объехала без цели.

Обь,

правый берег,

Коммунальный мост.

На крыльях

нарастающей метели

Легко подняться

до ближайших звёзд...

А снег летел,

бесстрашный,

мудрый,

щедрый...

С торжественных небес

в земную суету,

То опускался

на седые вербы,

То невидимкой

таял на лету.

Он ведал то,

что мы ешё

не знали,

Точнее,

не узнаем никогда:

Нет истины

в заснеженной вуали

И в тучах

путеводная звезда.

А впрочем, путь

сегодня безграничный,

Свободы столько,

сколько ни проси.

И город призрачен,

полу-реалистичен...

Метро,

трамвай,

маршрутное такси.

Мелькнёт порой

в окне,

реклама броская...

Тоска бездонная

в распахнутых глазах...

Пустой троллейбус...

«Совсибирь»,

Вертковского,

Студенческая,

Горская,

вокзал...

2. ГОД СПУСТЯ

Ночной вокзал. Январский воздух чист. И в небе ни единого намёка На облачность. Загруженный таксист Четою чемоданов. Ненароком

Взгляд брошен в небеса. Такая бездна, Что поневоле замирает дух, Мерцающих пророчеством созвездий, И тишина, и обострённый слух. А воздух ранен беспокойством зыбким И памятью заснеженной весны, Как будто бы на невесомой скрипке Звучит ноктюрн в созвездии Весы.

ЗВЕЗДНЫЕ МИНУТЫ

Дорога. Времени отсчёт: В минутах озарённой грусти, А жизнь размеренно течёт Привычным неизменным руслом.

Две чутких меры – год и миг — Бескрайний путь и время встречи – Надёжен памяти магнит, Высок барьер беззвучной речи.

Иная явь видна сквозь свет – Мгновенья, краткие, земные. И нет надёжнее примет, Чем эти искры временные.

Так гулко бьётся время в тех Минутах наших встреч нечастых... И стрелки замедляют бег, И обжигают зорким счастьем.

Не стоит времени жалеть На путь под звёздами и ветром, Чтоб вспыхнуть, а потом гореть До новой встречи звёздным светом.

Какой же силой неземной Нас эти искры наделяют И, словно тайною немой, Внезапным чувством окрыляют,

Созвучным ритмом проводя Сквозь невесомые маршруты, Хранят тепло день ото дня В дороге светлые минуты.

МОНОЛОГ ЛИСА

В сердце грусть гнездится однобоко – Монотонный и унылый гул. Знаешь, Принц, мне очень одиноко Там, среди охотников и кур.

Расскажи мне о звезде далёкой, Где же твой единственный причал? О дороге долгой и нелёгкой, Отчего в глазах твоих печаль?

На земле грустят нередко дети, У тебя ж особенная грусть. За какую тайну ты в ответе? Не для детской ноши этот груз.

Слышишь золотых колосьев шелест, Видишь ли янтарные лучи? Маленький Таинственный Пришелец, Приручи бродягу, приручи.

Я устал от серой однобокой, Уводящей в пропасть пустоты. В поднебесье светлом синеоком Есть родник сердечной чистоты.

Помогает нам порою небо Согревать черты любимых лиц, Сердце зорко, а желанья слепы, Важно видеть сердцем, Юный принц!

Это узы, их боятся люди, Что ж ты озадаченно молчишь? Испугался? Но тепла не будет. Если ты огня не приручишь.

Я всего лишь для тебя лисица, Как и сотни-тысячи лисиц. Пусть мечта надеждой озарится, Запасись терпеньем, Звёздный принц.

Многого пока сказать не смею. – Всё само откроется для глаз. Но прошу, не обращайся к змеям – Злая мудрость – это не для нас.

Для любви и счастья мир наш создан, Только даль надеждой не звучит, Приручи меня, Хранитель Звёздный, Приручи, мой ангел, приручи.

ПО МОТИВАМ ГАНСА ХРИСТИАНА АНДЕРСЕНА

В руках спасенья нити да память о былом, Так жаль, что самый младший останется с крылом.

Суровый взгляд монарха, ах, только бы успеть Родных любимых братьев в целебный дар одеть.

Шум крыльев лебединых, и вдруг среди людей Послышалось: «Невинна! Приметы нет верней!».

Успеть бы... Путь на плаху.

Смутилась вновь молва...
Рубаха за рубахой и право на слова.

Не лебеди, а принцы идут за королём: Одиннадцать счастливцев и лишь один – с крылом.

Корёжится епископ – на плахе нет костра: Роз алых куст ветвистый и свежая листва.

Звучат в роскошных залах фанфары, голоса. – А младший брат с рассветом уходит в небеса,

Над Данией, как бездной, кружит до первых звёзд. Когда закат погаснет, он смотрит на утёс.

Случайности печальной он, как ни странно, рад: Подняться сможет в небо лишь только младший брат.

* * *

Поговори со мной Сквозь расстоянье, Разлуку, темноту, Немую боль, Свечи неугасающей Сиянье, Тепла и стужи Непрерывный бой...

Поговори со мной На том забытом, Как первый поцелуй, Как пульс в тоске, Предельно искреннем Открытом, Знакомом сердцу языке...

Пусть слово отогреет Наши души И зазвучит мелодией живой. Так путники, Уставшие от стужи, С надеждой Возвращаются домой.

И в тишине Домашнего уюта Под робкий стук Взволнованных часов Мы вспомним Те счастливые минуты Несказанных когда-то Главных слов.

И разговор, конечно, Будет долгим, Когда сумеем волю Дать словам, Просоленным, обветренным Прогорклым, Летящим, словно птахи, К небесам...

ПУСТЫНЯ

Пустыня – сушь, пустыня – глушь, Оазисы – мираж, Пустыня – сон усталых душ, Слепых надежд вираж.

Полудень. Пекло. Сквозняки – Полуночный курьёз. Но верит сердце в родники И не стыдится слёз.

* * *

Чтоб верность воздуху хранить, Не надо прилагать усилий: Была бы непрерывной нить Да сильным взмах надежных крыльев...

И был бы слышен тихий зов Сквозь темноту и расстоянье, Сквозь гул пирующих ветров В полёте противостоянья.

МЕЧТЫ О НЕСБЫТОЧНОМ

Бежит поток событий Толпой да чередой... Во сне бы хоть увидеть Мифический покой.

Закрыть глаза под пальмой И тихо помечтать, И классиков на память Вполголоса читать.

На дальнем побережье, Где шум волны морской В лучах заката брезжит Чарующий покой,

Летит белесой чайкой К далеким небесам Или тропою тайной Блуждает по лесам. Нет, он не познаваем, Не призрак и не дух, Увы, не осязаем На ощупь и на слух,

А может, он ютится В здоровом крепком сне? Кому-то же он снится. Кому-то... Но не мне.

ВЕРШИНА СОВЕРШЕНСТВА

(АВТОПАРОДИЯ НА НЕСУЩЕСТВУЮЩИЕ СТИХИ)

Превыше всех забот людских, Очистив ум и память, Бежишь от бренных благ мирских На избранную паперть.

Я заключу себя в молчание, Уйду от суеты и скверны. И в тихом омуте отчаянья Найду приют, надёжный, верный.

На полудиком дивном острове Анахоретом поселюся, Чувствительной, изящной особью И обстановкой умилюся.

Долины звёзд и поднебесья В глухие ночи полнолунья Залью своей тоскливой песней В печали долгого раздумья.

В нетленных дебрях мирозданья Под звёздным пологом чужбины Сойду тропою покаянья В трансцедентальныя глубины.

На этом острове забытом В уютной келии-тран[c]шее Я буду истинным пиитом...

На чей-нибудь надёжной шее.

СТИХОТВОРЕНИЕ БЕЗ РИФМЫ

(ФАНТАСМАГОРИЯ)

Пропадает талант, На корню затлевает, Урожай собирать Не пришел садовод. Присмотрелся сосед, Знать, плачевное дело. На лице у него Состраданья печать. Тарабанить смешно, Коль хоромы закрыты, И решил добродей За добром присмотреть. Прикорнул у ствола, Примостился поближе, Очарован красой Переспелых плодов. Сторожил до утра, Восхищался дарами, Да не ведал восторг,

Что творила рука.
Согрешил добродей
И сокровище сада
В свой купеческий дом
На заре приволок...
Присмотрелся делец,
Растерялся — не знает,
Как в саду развести
Экзотический плод.
Желтолистый буран
По бульварам гуляет...
Чужеродный талант
Задарма закисает.
Спит владелец —
Хмельной садовод.

КАРЛА И СКРЕПКА

Я тихий карлик из дупла, лесовичок ночной. Я никому не сделал зла, но недовольны мной.

Я пью росу, грызу орех, зеваю на луну. И все же очень страшный грех вменяют мне в вину.

Порой пою, и голос мой не громче пенья трав. Но часто мне грозит иной, кричит, что я не прав!

Скрываюсь я в своем дупле, и, в чем моя вина, никто не знает на земле, ни бог, ни сатана.

Глеб Горбовский

Наконец, голос, столь навязчиво и утомительно эксплуатирующий его гортань, стих... У стереофона стёрлась игла, и тот издавал неточные звуки, но Ж. А. Н. любил несколько песен и не мог воздержаться от того, чтобы не прослушать их и не исполнить вслед за хрипящей, слегка при-

тормаживающей пластинкой. Наконец репертуар соблазнительно-мучительных мелодий иссяк, и Ж. А. Н. погрузился в блаженное молчание...

...Наступила тишина, точнее временное затишье, поскольку в районах крупных городов абсолютной тишины, к счастью, не наблюдается. Он выглянул в окно: там на свежевыкрашенной скамье сидел скульптор Иван, мучительно поджидая слово, раскрыв тетрадь в косую линеечку. Дело в том, что мастер Иван ежевечерне выходил с целью зарисовать с натуры необходимое ему слово и, насколько у него хватало возможностей, детально воспроизводил на бумаге нечто мелькнувшее в его необъятном сознании. Скульптор застыл в позе мыслителя: муза, по всей видимости, запаздывала или ждала своего часа.

Ж. А. Н. пожалел, что длительное время находился под влиянием любимых мелодий в искажённом исполнении и не успел предупредить мыслителя: тот сохранил бы единственный парадный костюм, доход у мастера был невелик. Но теперь Ж. А. Н. решил не обнажать истины, поскольку то, чего можно было избежать уже свершилось. Иван и без того расстроится, придя домой и обнаружив лиловые пятна на своём сером пиджаке, если, конечно, ему посчастливится их обнаружить.

У соседей раздался грохот. Дети вызывали кар-

лика и, по всем стереофоническим признакам, что-то уронили.

На столе лежала неоконченная повесть. Ветер в экстатическом порыве распахнул окно и принялся лихорадочно что-то искать среди исписанных бумаг. Рукопись нужно было во что бы то ни стало скрепить. Ж. А. Н. провёл рукой по столу, но скрепки не обнаружил.

— А вот ты где! — крикнул кто-то за окном псевдодетским голоском. Подвыпившая компания играла в прятки. Но для Ж. А. Н. сейчас это было неважно. Он открыл картонную коробочку: оказывается, скрепка, лежавшая на столе, была последней. Её нужно было срочно найти. Уже смеркалось, и Ж. А. Н., не зажигая света, отчаялся на бесплодные поиски. Между тем ветер захлопнул створку окна. На подоконнике стояла баночка с заспиртованным головастиком.

За стеной соседней квартиры царила полная тишина. Видимо, дети, стараясь перебороть душевный трепет, произносили заклинание. Если скрепку не украли, она должна найтись. Боже, какое неприятное впечатление произвёл последний разговор с новым начальником. Ж. А. Н. никогда не сгибался под напором приказного тона. А здесь он себя просто не узнавал. Этот дребезжащий голосок, пара вялых фразочек, напрочь лишенных

жизненных сил, поспешно данное согласие на не совсем осознанное действие. Нет, он не испытал страха, он понял, одно, что не сумел возразить. Кто набросил на него эти сети. Вот уже в течение трех лет, он не слышал живой музыки. А впрочем, новый начальник вовсе не деспот, а весьма обаятельный и симпатичный человек. Будучи подростком, Ж. А. Н. часто донашивал чужие костюмы и в свое время не успел закончить консерваторию. Заспиртованный головастик покоился в апартаментах импортной баночки.

Внезапно, словно повинуясь неведомой силе, Ж. А. Н. перевёл взгляд с подоконника на репродукцию неизвестной, но безумно понравившейся ему картины. Это был горный ландшафт, запечатлённый с высоты птичьего полёта. Ощущение невесомости вскружило ему голову. Ж. А. Н. взял чистый лист, сложил его пополам и провёл по линии изгиба. А не начать ли работу с нуля?

Где же скрепка? Ж. А. Н. имел в обиходе минимальное количество предметов: суета, манипуляции, бессмысленная беготня были не в его стиле. Ветер за окном утих, а листы бумаги продолжали лежать в безнадежном беспорядке. Может быть, скрепка находится в подполье? Надо срочно спуститься туда. Но он вспомнил, что подполье было в старом дома, а в новом его нет, и что здесь по-

всюду паркет. Но если подполья нет, надо непременно его сделать, сила привычки зачастую слишком велика. Бытовой уклад есть бытовой уклад.

А в подполье любят селиться карлики. Соседство живой души, даже существующей по чужим законам, ему необходимо. Карлика следует ежедневно кормить магическими деликатесами, однако не очень обильно, потому что у карликов желудок вдвое меньше, и если его переполнить, то он подопрёт диафрагму, и его владелец начнёт говорить с одышкой: переполненные желудки искажают голоса карликов, и потому эти забавные существа вызывают не только сострадание, но и некоторое едва осязаемое неприятие, возникающее, к примеру, при звуке мелодии, раненной неисправной иглой стереофона.

Необходимо собрать рукопись воедино, надо обыскать все карманы. Ж. А. Н. принялся тщательно осматривать одежду, вдыхая пыль своего ветхого гардероба.

Унылая луна, с надменно постной физиономией, выплыла из-за облака. За стеной послышался детский визг (стены в городских домах необыкновенно тонкие). Вероятно, дети увидели карлика. Удивительный народ эти дети: боятся чужеродных гостей и сами же их вызывают. Возможно, карлик из детской комнаты перекочевал в его сердце, и

поэтому у Ж. А. Н. такой гнусавый осипший голосок. Карлики существуют в ином пространстве – там всё большое, кроме самих карликов, поэтому так великовато смотрятся на них пиджаки и ботинки. Их жизнью дирижирует переполненный желудок. Никогда не говорите с карликами: они очень навязчивы и непременно затянут вас в апартаменты своего жилища.

О Боже, стереофон до сих пор ещё включен, как же он не перегорел? А Иван только что поднялся со скамьи. На его костюме выделялись теперь уже четыре потемневшие полосы. «Жаль старика, – подумал Ж. А. Н. – Надо будет что-нибудь одолжить ему из своего гардероба». Эта мысль внесла некоторое спокойствие и даже упорядоченность в изнурённое сознание Ж. А. Н.: «И всё же нужно осмотрительно опускаться на скамью».

Ах да, рукопись... Она зовёт к себе жалобным осипшим голоском, и мёртвый головастик подмигивает слезящимся глазом. Надо скрепить разрозненное... А впрочем, если по бумаге водила рука карлика, то скрепка уже не поможет. Обеспокоенные родители на ночь рассказывают утешительные истории. Значит, завтра за стеной будут вызывать пиковую даму.

ПО МОТИВАМ ГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

* * *

Шумит Эгейское море – аргонавты смените парус...

* * *

Он боялся воды, то есть собственного отражения... Бог лесов и цветущих долин, он сторонился рек. Первое приближение к реке оставило неизгладимый след в его памяти. В тот вечер его охватил восторг, он бежал по цветущей долине, дитя божественной природы, живущее в полной гармонии со всем тем, что ему принадлежало, и вдруг, оцепенев от страха, остановился у реки: то, что он увидел, сковало его движения — из воды на него смотрело козлоногое существо, покрытое шерстью.

– Сатир! Сатир! – закричали вышедшие на берег наяды и кинулись в воду. Водная поверхность качнулась, отражение растворилось в волнах, и юный Пан содрогнулся от ужасной догадки... А он мнил себя подобием олимпийских богов... В беспамятстве побрёл он в самую глухую чащу, и пробыл там, до тех пор пока не смирился со своей

участью. Не раз охотники слышали глухие звуки из дальней чащи, и панический ужас охватывал их, то стонал Пан от своего безысходного разочарования.

Постепенно он стал выходить из чащи и, наконец, вернулся к своим владениям. Но это уже было не беззаботное дитя природы, неизгладимая тоска поселилась в его глазах.

И однажды он понял природу своей тоски, увидев на Сирингу — дочь речного бога Ладона. Её голос, сливавшийся с шёпотом листвы и гулом волны, лишил его покоя, но разве мог он показаться ей в таком безобразном обличии. Часто приходил он берег, прячась в высокой траве. Как-то раз её пение было особенно чудесно. Пана охватил восторг, и он выбежал из укрытия. Наяда, охваченная испугом, ринулась к воде.

– Быть тебе болотной тростинкой, – крикнули сестры, увидев в её глазах панический ужас и мольбу спасти от погони. Обернулась Сиринга тростинкой. Смотрит Пан – исчезла наяда. Сломил тростинку и сделал из неё флейту. С тех пор и звучит Сиринга в руках Пана.

* * *

Голос Эхо наполнял долины и горные ущелья. Разгневалась как-то богиня Гера: мешал ей голос нимфы, и лишила её права вступать в разговор первой и произносить собственные речи. И осталась у неё одна способность — повторять обрывки чужих фраз. Приятен был её голос, но совершенна скучна была она в разговоре.

Тиресий — слепой прорицатель предсказал сыну речного бога Кефиса и нимфы Лириопы Нарциссу, что тот проживёт долго, если не увидит своего отражения. С тех пор горделивым и самолюбивым прослыл юноша Нарцисс. Ни одна нимфа не могла очаровать Нарцисса. Не обошла эта участь и Эхо. Услышал в голосе Эхо Нарцисс отражение своих фраз — и тревожное чувство охватило его. Прогнал он нимфу. И случайно набрёл на источник, где увидел собственное отражение, от которого не смог отвести взгляда. И сбылось пророчество Тиресия.

* * *

Так и повелось: Пан утешает флейтой Эхо, родившую ему дочь Ямбу, а Нарцисс не может отойти от мёртвого источника.

БАЛАГАНЧИК

(ВОЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ)

Осенним утром на заре, Едва сойдёт туман. На обгоревшем пустыре Чернеет балаган.

Нет на арене ни души, Погас манящий свет, Воспоминания свежи, А жизни больше нет.

Пропал азарт у шансонье: Запрос его высок. Печален дон конферансье, Угрюм и одинок.

В уютном баре за углом Играет ловко в вист, Забыв о светлом и былом, Сеньор эквилибрист.

Самозабвенно у метро В безропотной тоске Застыл отверженный Пьеро С ладонью на виске.

Закрылся в комнате поэт, Ему восторг не мил. И он в порыве белый свет Поэмой очернил.

Сломали тонкое перо, Поют веселый гимн, А над наивностью Пьеро Рыдает Арлекин.

Гуляет ветер-хулиган В ряду потертых лож. И охраняет балаган Седой, унылый бомж.

НЕ ОДИНОЧЕСТВО...

Не одиночество страшит, А хитрость вкрадчивой подмены,— Чьи обольщенья не приметны, Чьи проявленья несомненны, Когда сознание в глуши,— Подмены собственной души.

Подмена чуткого родства Благоподобьем отчужденья, Уходом без предупрежденья Причиной самоосужденья, Потери зоркости былой В слепой борьбе с самим собой.

Не сбиться б с верного пути, Когда дробится перспектива И время беглое строптиво, Да тень маячит сиротливо, Как сторож, пьяный и хромой. Бредущий в сумерках домой.

Не одиночество страшит, А шаг неверный на распутье, Дорога, где петляют судьбы, Истлевший ворох словоблудья, Идей разрозненных возня, Души развеянной сквозняк.

Тревожит театральный зал, Где только гул да плеск оваций, И схематичность декораций, Опустошенность интонаций, Подобострастия овал И маски восковой оскал.

Не одиночество...

ПО МОТИВАМ МИЛОША ФОРМАНА

Сеньор Сальери, постучите – Придёт дежурный санитар, Вы столько лет уже молчите. Непредсказуемый удар?

Решенье проклятых вопросов, Боль заточённого ума? От клавесина до погоста Тропа по-прежнему видна.

И кто же следовал за гробом?.. (Вы с истиной наедине...) Неизречённое в утробе, Как слепок на песчаном дне.

В родстве ли гений и злодейство? Хотелось верить, но увы... Наивный глянец фарисейства, Стереотип людской молвы. Идёт премьера «Дон Жуана» И «Флейта», словно сирота. А с губ срывается: «Осанна!»... Всё преходяще, суета.

Невинны помыслы, но чёрный Маячит в залах человек... Кто он? Гулякой наречённый?.. Осиротел ушедший век.

Ах, этот голос!... – Не поверить. Вспять перечитаны тома... «Не убивайтесь, друг Сальери, Была и в Зальцбурге чума...»

И всё же «Реквием», Сальери, Целебной горечью звучит, А санитар уже у двери И почему-то не стучит... Сквозит предчувствие разлуки... Тоска беспомощна, остра, Погас закат, стихают звуки У догоревшего костра...

Что за нужда в мечтанье светлом, Где праведность, а где порок?.. Осыпаны продрогшим пеплом Скрещенья хоженых дорог.

Мы тщетно истину искали, Теряя свет день ото дня, А пепел вился над висками, Пока сидели у огня.

И свет бросал шальные тени На гибкий стан лесных дорог, Узором суетных сплетений, И назревающих тревог.

И там, где мы бродить любили, Под зорким оком ясных звёзд, Теперь лишь клубы серой пыли Из-под чернеющих колёс.

Одна так преданно светила... И в неизвестность нас звала. Что за неведомая сила К тропе исходной привела?

Искрится иней на поленьях. Что ж, близость осени остра. Так настигает нас прозренье Внезапной искрой от костра.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Мне выбора по счастью не дано... Владимир Высоцкий

1

Душа не признает оков, Границ пространства, Её ведут дорога слов И постоянства,

Сосредоточие пути И неизбежность, И вечный импульс обрести Свою безбрежность.

А слово – верный проводник Прозревшей сути – Слепцов прощает в этот миг, А зрячих судит.

Кто за слепые рубежи Однажды выбыл,

Того уже не избежит Счастливый выбор.

Судья избранника хранит Прозреньем, то есть У тех, кто в эту суть проник, Не дремлет совесть –

Живая связь седых времён, Источник жгучий — И ею предопределён Счастливый случай.

2. ЛЮБИМЫЕ СТРОКИ

Верности учили эти строки Под аккорды песен у огня, Согревали искрами в дороге, От тоски и холода храня.

Пробивались в память, прорастая Совестью встревоженных имён, Летопись дорожную листая На границах судеб и времён.

Многое мы в ритмах постигали, Молнией вонзалась в мысль строка, Обручалось время со стихами, Возвращались реки в берега.

А сбивались с искреннего тона, Словно красной нитью по судьбе Бдительная тень от микрофона Тут же знать давала о себе.

Суетность к минутам беспощадна, И свербит в сознании вина Образом покинутого сада И недостающего звена.

«У природы нет плохой погоды», Если нет затмения в душе. Как бы ни сгущались небосводы, Как бы ни смещались в мираже,

Всё доступно искре вдохновенья: Мгла ночная, утренний озноб, Радуги небесной озаренье, Ливня неприкаянного дробь.

Если не утрачены душой Память воспитавшие щедроты, Мир наполнен радостью живой И целебной силою природы.

.

Есть в дожде осеннем откровенье, Утешенье в шёпоте листвы И порыв счастливого мгновенья В лёгком дуновении весны. Всё в природе дышит, вдохновляет, Слышит, отзывается, поёт, Если горьких снов душа не знает И не прекращает свой полёт.

И метель в порыве не остудит Незабвенной памятной свечи, Что зажглась на перекрёстках судеб В песнях, окрыляющих в ночи.

Просто проявляется сквозь годы Связь времён, покоя, мятежа. У природы нет плохой погоды. Есть природа и её душа.

ПЕТРОГЛИФЫ

1

Маленький бумажный кораблик плыл по периметру песочницы, наполненной водой. Снег едва начинал таять, и ступать по нему было опасно. Один шаг в сторону и ты по колено в воде, скрытой снеговым покровом. Лучи солнца нежно и заботливо согревали продрогший за зиму воздух, и ритмы пробуждающейся от сна природы наполняли его особым ароматом ещё не цветущей, но уже пробивающейся из-под снега весны. А кораблик всё плыл и плыл по отражённому в талой воде небу, то и дело натыкаясь на нежные пушистые айсберги белоснежных облаков.

Куда мог плыть этот простенький парусник, сложенный из местной районной газетки, если капитану всего восемь лет и управляет он им дистанционно, стоя на берегу. Конечно же, плыть он мог куда угодно, несмотря на узко ограниченное пространство, и менять своё направление только в зависимости от воли капитана. Команда отборная, у каждого матроса свой характер, обязанности

распределены, и, главное, надо быть начеку — пиратское судно может появиться в любой момент... Горизонт обозреваем с четырёх сторон (капитан высоко сидит, далеко глядит, помощники ему не нужны), а небо и море вовсе не сходятся на линии горизонта, а сливаются в одной стихии. По морю-небу легко перелететь из одной части света в другую.

Но главное, айсберги тогда были нежные и пушистые, до неба рукой подать, а четырехгранный барьер затопленной песочницы вовсе не мешал свободе передвижения. Хочешь – лети, хочешь – плыви, хочешь – прокладывай опасный путь по насту.

2

У облака одна удивительная особенность (эффект которой я бы сравнила с улыбкой Джоконды), в его очертаниях мы видим то, что созвучно нашему состоянию — самое серое невзрачное облако не вызовет удручающего чувства, если сердце переполнено светлыми чувствами, и наоборот в самом легком безмятежном движении облаков, можно уловить серьёзную угрозу, находясь в том состоянии, которое называется отсутствием духа. Так же и с улыбкой Джоконды: она улыбается каждому соответственно его состоянию. Искус-

ство и природа — это зеркало, в котором мы либо нуждаемся, либо стремимся усовершенствоваться. Выход за пределы отношения лицо—отражение начинается там, где появляется нечто стороннее, позволяющее увидеть образ с другого ракурса. А ещё есть слепое шило, называемое интуицией, которое постоянно колет, если рассудок направляет нас по неверному пути.

Облако – лик – личина – лицо – личность. Вот и метафора нашего мировосприятия. Сколько раз облако сменит свои очертания, пока кристаллизуется в нашей личности, и Боже упаси шлифовать лицо или личность по первому воспринятому силуэту.

Жало непонимания — любимая игрушка господина по имени Нетерпение, только и всего. Любого человека можно понять или, по крайней мере, объяснить ход его мысли. Просто нужно помнить, что облако — всего лишь облако. А отношения у людей зачастую облачные — по первому силуэту. Я знаю то, что знаю — это облако и оно серое (или наоборот). А дальше облачная или заоблачная сюита навзрыд или вприсядку.

И тогда, разуверившись в пушистости и нежности облаков, не обнаружив за ними солнца, мы ищем нечто прочное и незыблемое. На смену об-

лакам приходят камни. Этот фундамент точно не подведёт, его можно охватить руками, поместить у себя под окном, раскрасить в нужный цвет при необходимости, выгравировать заветные слова. Вещь универсальная, и, главное, безропотная.

Не от них ли зарождается тот самый ком в горле.

3

По определению, и облака, и камни молчат. Молчание облако блаженно, молчание камня пафосно или монументально. И если состав облака разрежен, то в камне спрессована не одна горная порода. Молчание камня подобно молчанию заключенного в одиночную камеру. Легко помолчать, глядя на облако, но тяжело рядом с молчащим камнем. Однако в природе, даже неживой, всё звучит: и ветер, и дождь, и солнечный луч, и целебный ключ, и облака, и камни. Нас утешают облака, поющие в унисон с ветром, но если вслушаться в отрешённое молчание камня, наверное, можно услышать ни одну историю. Главное, не переусердствовать: придорожные камни, прибрежные, скалы, бухты, утёсы, монументы, идолы, алтари... И, что удивительно, люди часто обращаются к каменным изваяниям. Может быть, действительно у каждого камня своя душа или на тех душах лежат свои камни, поэтому их и тянет к неживой природе. Да и собственно, что такое камень души, всегда ли это повинность? Может быть, это следствие длительного одиночества или общественного мировоззрения? Петр — камень. Этим именем многое сказано.

4

Стихия облака — небо, стихия камня — земля. Между ними воздух и живая природа — звуко-цветовая ткань, пронизывающая каждую частичку нашего мира. Может быть, она защищает нас от поспешных речей, которые осколками вонзаются в наше сознание, если дают сбой. Ничто в мире, наверное, так не ценится, как созвучие. Внутренняя работа совершается в молчании.

* * *

Нет, не пишу и не спешу Принять словесные оковы, Но я вдыхаю и дышу Природой творческого слова. Оно врывается, как шум Дождя и гул прибоя, Как звук поющих тонких струн, Крик чайки утром над рекою, Дрожанье рельсов, стук колес, Плач скрипки, голос нежной флейты, Мерцает тайной дальних звёзд Вечерним светом вдоль аллеи, Пустыней утренней зари, Туманным холодом тревоги, Молчаньем запертой двери, Пьянящим воздухом дороги. Прикосновением души К душе движеньем мимолётным, Созвучьем, сотканным в тиши... Мотивом, близким и далёким.

И проступает явь, как синь, Сквозь сирый занавес тумана, Оазис в скупости пустынь, Или весенняя поляна Неукротимые пути Ведут нас по шальному веку, Но только дважды не войти, Увы, в одну и ту же реку. У Слова и учусь искать, Ту явь, в которую я верю. Седая роспись у виска Неизречённые потери. Вчитаться в азбуку небес, Прислушаться к дыханью ветра, Принять живительную весть, Найти искомые ответы. Как много явственных примет Вдохнул в сюжеты их Создатель. По существу я не поэт, А лишь увлёкшийся читатель.

Душа в любимых звуках растворится, Народных песен зазвучит напев, И ясным светом память заискрится, Случайно струны старые задев.

История души в народной песне – Живительная влага родника... От Родины Земной и до Небесной Звучит невосполнимая тоска,

И голос ямщика в степи раздольной, И Волга-матушка с бурлацкою душой, И вечное движенье к жизни вольной, Зовущее дорогой столбовой.

Затеплится лучина вековая, Согреет души в родственном кругу. И звуки, словно слёзы, набегая Восполнят неизбывную тоску.

ТЕАТР БЕЗ ГРИМА

Театр без грима и декораций, Без пышных речей и шумных оваций, Где только актёры да сцена, да свет И музыка та, что спасает от бед.

Там слово врачует и разум, и душу. И многое там понимается лучше, И радостней сердцу раскрыться вдвойне На творческой светлой счастливой волне.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лазарчук Евгений Александрович родился в 1949 году в деревне Ефремовке Куйбышевского района Новосибирской области, с 1959 года до окончания средней школы проживал в райцентре — городе Каинске-Куйбышеве. Окончил Новосибирский педагогический институт. Работал в сельской школе, районной газете, советских и партийных органах, Сибирском отделении издательства «Детская литература», областной администрации, с 1998 по 2015 год — директор Сибирского отделения издательства «Наука». Лауреат поэтических конкурсов. Публиковался в журнале «Сибирские огни», коллективных сборниках «Гнездо поэтов», «На берегах Оби широкой», в средствах массовой информации. Живёт в Новосибирске.

Зоя Евгеньевна Лазарчук родилась в городе Куйбышеве Новосибирской области в 1970 году. Поэзией увлекалась с детства преимущественно как читатель. Стихи начала писать с 14 лет. В 1997 году закончила Новосибирский педагогический университет, работала учителем русского языка и литературы, руководителем детской литературно-театральной студии, редактором научной и учебной литературы, в 2017 году вернулась к преподаванию русского языка и литературы. Основные жанры: лирическое стихотворение и прозаическая миниатюра. Публиковалась в литературно-художественной периодике: журнале «Спешу домой», в альманахе «Поэтическая Поляна». Живёт в Новосибирске.

Содержание

Пояснение	3	
IN MEMORIAM	7	
Евгений Лазарчук АЛЬФА И ОМЕГА		
Владимир Балачан. Несоизмеримость таланта	11	
«Трагическая сущность бытия»		
«Один из моих дядьёв»	20	
«Вновь кружит февральская позёмка»	25	
Березка	27	
«Ты чем-то встревожен, мой мальчик»	30	
Костер	32	
В бане	33	
«Осенний лес»	35	
«И угодья, и неудобья»	36	
Старик и осень	38	
«Эта ночь светла на удивленье»	42	
«Жребий брошен»	44	
«Покайся, грешник, ибо час твой близок»		
Ефремовка-Коноваловка	48	
Деревне	51	
Грачи. NEVERMORE		

Палы	. 54
Баллада о двух улицах	. 56
Провинция. Детство. Первомай	. 58
Хлеб шестьдесят второго	
«Парашютист»	
«Хорошая была рубаха»	. 71
Провинция. Юность. Горсад	
«Декабря и не припомнить хуже»	
Мокрый снег	
ДНД. Дежурство в вытрезвителе	79
Зелёное и жёлтое	. 81
Сон	. 83
Воробей в метро	. 84
«Докурив косячок»	
Человечки	~ 4
«Ветер вырвет газету из рук»	. 93
Белка-грибница	
Элегия	. 99
«Времён минувших смутные черты»	
«Междуречье»	101
Легионеры	102
Апокриф	104
Пророк	106
Эволюция	106
Средневековье. Считалочка.	106
Весна Вийона	107
Царь	109
Декабристы. Синодик	

«Пресеклась твоя стезя»	. 117
Алый бант	. 119
Комиссар	121
На чужбине	124
«Ишь, о чём размечтался, чудак»	125
Лесничиха	127
Посвящения	
Лазарчук-Казанцевой Галине Петровне	129
Куйбышевской средней школе №1	130
Одноклассникам	134
Землякам	135
Пенсионерам-юбилярам	135
Воробчук Лидии Николаевне	136
«Тринадцать – несчастливое число?»	136
«Ещё один заснеженный январь»	137
Гаращуку Николаю Григорьевичу	. 138
«Три четверти века уже за плечами»	138
«Этот день для грусти не годится!»	139
Докучаеву Александру Владимировичу	. 141
«Вот и на подходе наши дни осенние»	141
«Пришла пора. И с нашим поколеньем»	143
«И снова нам природа улыбнулась»	. 144
«Прогноз пророчит скверную погоду»	145
«Под шелест камыша, под крики чаек»	147
«Дни, недели, месяцы и годы»	148
Докучаеву Петру Владимировичу	149
«Мы искренне любим Петра»	149
«Возраст не прибавить, не убавить»	150

Ленкову Августину (Александру) Ивановичу 15	2
Хританкову Владимиру Фёдоровичу	
Хусточко Алексею Андреевичу	6
Двум Сергеям Александровичам	
Жизнь твоя – кинематограф 15	
Монолог тайного завистника	
Опровержение	3
Свободен!	
Dog Honory	
Зоя Лазарчук	
СВЕТЛЫЕ МИНУТЫ	
«Природа творческого слова»	9
«Беззвучный мотив тишине адресуя» 17	4
«Седина осеннего утра»	5
«У чистых вод надёжный кров»	6
«Незримый тонкий нежный свет»	7
«Пусть молчание это тебя не пугает» 17	8
Седой ноктюрн	9
Звёздные минуты	3
Монолог Лиса	5
По мотивам Г. Х. Андерсена	7
«Поговори со мной сквозь расстоянье» 18	9
Пустыня	1
«Чтоб верность воздуху хранить»	2
Мечты о несбыточном	13
Вершина совершенства	5
Стихотворение без рифмы	7

Карла и скрепка	199
По мотивам греческой мифологии	205
Балаганчик	208
«Не одиночество»	210
По мотивам Милоша Формана	212
«Сквозит предчувствие разлуки»	214
Памяти Владимира Высоцкого	
«У природы нет плохой погоды»	219
Петроглифы	221
«Нет, не пишу и не спешу»	226
«Душа в любимых звуках растворится»	228
Театр без грима	229
Сведения об авторах	230

Евгений Лазарчук

Альфа и Омега

Зоя Лазарчук

Светлые минуты

Фото обложки Г. К. Рудько

Корректор – А. О. Слепцов Компьютерная вёрстка – Н. Т. Власова

Подписано в печать 24.05.2021. Формат 70х100 1/32. Тираж 200 экз. Заказ № 82. РИЦ «Новосибирск» при Новосибирском отделении Союза писателей России.

Типография «Манускрипт».